

ОТКРЫТИЕ
РУНЕТА!

ЕЛЕНА ЕРШОВА

НЕЖЖИВВАЯ ВОДА

ДОБРЫМИ НАМЕРЕНИЯМИ
ВЫМОЩЕНА ДОРОГА В АД,
и мы заблуждались.
И в заблуждении сделали
работу за дьявола.

Annotation

Отгремели войны, и остатки былой цивилизации постепенно окутываются тайнами и слухами, пока не превращаются в источник страхов и суеверий. В одну из таких деревенок, затерянных среди таежных лесов, приезжает молодой парень Игнат. Его малая родина хранит много страшных секретов, да и на что только не пойдут запуганные жители, чтобы сохранить привычный жизненный уклад. Игнату придется столкнуться со злой потусторонней силой, наводящей ужас на северные регионы Южноуделья. Пытаясь вернуть прошлое и воскресить погибшую подругу, он заключает с нечистой сделку. Но так ли просто выполнить уговор? Ведь только человек бескорыстный и чистый сможет через запретные земли пройти и с мертвой водой вернуться...

Елена Ершова

Неживая вода

© Е. Ершова, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть 1

Деревенский дурачок

*Струясь вдоль нивы, мёртвая вода
Звала меня к последнему забытью.*

Ф. Сологуб

С севера надвигалась навь.

Сквозь переплетение ветвей Игнат пытался разглядеть набухающее снежной тяжестью небо. Красноватые стволы сосен темнели, словно кто-то медленно закрашивал лес черной акварельной краской. Ветер перебирал хвою, и лес наполнялся сухим шорохом – так могли шуршать жуки в спичечном коробке или крысы в сыром и темном погребе.

Игнат прислушался, пытаясь уловить в стылom осеннем воздухе перестук дятла, или шорох встревоженной куницы, или треск сухостоя.

Ничего. Только мерное дуновение ветра, только шуршание сосновой хвои.

Мальчик знал, отчего лесные жители попрятались в убежища: они тоже чувствовали приближение нави.

– Бу!

Раздавшийся прямо над ухом голос заставил шархнуться и обернуться. А Званка – эта невыносимая резвушка Званка – заливисто хохотала и приговаривала:

– Испугался, Игнашка-дурашка! Испугался, Игнашка-замарашка!

В ее голосе не было злобы, поэтому Игнат никогда не обижался на подругу. К тому же она всегда защищала Игната перед местными хулиганами, когда те освистывали и кричали вслед: «Дурак! Дурак пошел!»

Отсмеявшись, девочка примирительно сказала:

– Обиделся? Не обижайся, но видел бы ты себя со стороны!

Она усмехнулась снова, и на щеках появились ямочки. В озерной сини глаз мутили воду бесенята.

– О чем задумался-то?

Игнат снова задрал подбородок и ткнул пальцем в вышину:

– Там. Навь идет.

Званка проследила за его жестом. Искрящиеся глаза погасли, налились тревогой.

– Брось. Это снежная буря.

– С первой снежной бурей приходят навьи, – возразил Игнат. – Так бабушка говорит.

Он почувствовал, как рука девочки стиснула его плечо, и удивленно посмотрел на подругу. Глаза девочки расширились от испуга. Две тугие косы лежали на плечах, как подрубленные серпом пшеничные колосья. В волосах стеклянными гранями поблескивала голубая заколка-бабочка, подаренная Игнатом на прошлый Званкин день рождения.

– А баба Стеша когда-нибудь видала их? – шепотом спросила девочка.

Игнат покачал головой.

– Не, не видала. Да и как бы она тогда до своих лет дожила? Навьи никого в живых не оставляют. Зато рассказывала мне, как рассказывали ей, что навьи в прошлом году Красножары дотла спалили, а пацанов с собой забрали.

– Ой! – Званка подняла на Игната взгляд, полный страха и любопытства. – А мертвяков? Видала?

– Мертвяков видала. Собирала однажды бруснику на болотах да замешкалась. День на убыль пошел. Тут-то на болоте огни и зажглись...

Званка пискнула, прижалась к его плечу.

– Выбираться начала, вот и вечер, – продолжил Игнат. – А как из болота выходила, тогда

и увидела мертвяка. Рассказывала: поднялся он из трясины, как высохшая коряга. Зеленые волосы лицо закрывают, руки скрючены, к ней тянутся. И запах такой, словно яйцо протухло.

– Фу! – Званка сморщила курносый нос. – Не хотела бы я с таким встретиться. А девушек болотных видала?

– И девушек видала. Все молодые, тела насквозь просвечивают. Жалуются они очень. Тяжко, мол, под гнетом трясины спать. А ходят они по миру, потому что душегубов своих ищут. Найдут – и зацелуют до смерти, утянут в болота.

– И какую только пакость в наших краях не встретишь! – воскликнула Званка и обвела взглядом притихший лес, будто ожидая, что из-за ближайшей сосны к ней потянутся скрюченные руки мертвяка. – Идем домой, а?

И потянула Игната следом, ступая по узкой тропе. Из-под ботинок доносились сухие щелчки.

«Будто жуков давишь, – подумалось мальчику. – Жуков-мертвеглавцев, что водятся глубоко под землей и питаются гнилым мясом...»

Он надеялся, что навь не дойдет до родной деревеньки. Может быть, разродится снегом где-то в тайге, распоров брюхо об острые иглы сосен. Или свернет на запад и осядет туманом в бескрайних болотах.

– А ну как дойдет?

Игнат понял, что задал вопрос вслух. Званка метнула недовольный взгляд.

– Ну что ты, в самом деле? – прикрикнула она. – Хватит пугать! Нет никаких чертей и навий, ясно? Зима наступает, просто зима! Нешто в школе не учился? Так каждый год бывает!

– Бабушка говорит, навьи...

– Даже если есть, – перебила Званка. – Тебе-то что бояться? Они тебя не тронут, дурачка. А я вот расскажу бабушке Стеше, как ты сегодня к Жуженьскому бучилу ходил, она небось тебя ремнем пониже спины приласкает.

– Тебя саму родители ремнем приласкают, – буркнул Игнат.

– Кто ж тебе поверит? – усмехнулась Званка.

Игнат опасливо оглянулся через плечо: тучи на горизонте слились в исполинскую шевелящуюся пелену, и она подрагивала, будто шкура раненого зверя.

– Ой! – Званка остановилась, поджала ногу. – Да помощи же!

Игнат подал руку. Девочка оперлась о его плечо, начала стягивать с ноги стоптанный башмак.

– Иголка попала. Батя все обещал новые пимы купить, только ярмарки все поразъехались. Придется в город ехать. Федотыч подвезти обещал, когда грузовик починит.

Она принялась вытряхивать поправшую в ботинок хвою, шмыгая от усердия носом. Подтянула сползший носок, аккуратно заправила выбившиеся шерстяные гетры.

– В одном ты прав, вредный Игнашка-букашка, – сказала Званка. – Становится чертовски холодно!

– Возьми мою парку, – предложил Игнат.

Он взялся за пуговицы и принялся расстегивать старенькую оленью курточку, но Званка остановила его.

– Заболеешь, а мне снова черничное варенье тебе носи? Вот уж дудки!

Она пригладила растрепавшиеся косы, вздохнула. Игнат заметил, как взгляд скользнул за его плечо, туда, где шевелилась пелена туч.

– Пережить бы зиму, – строго, совсем по-взрослому сказала Званка. – Пока дома тепло – никакие черти не страшны. Протянем до марта, а там новая буря придет.

– Это какая такая буря?

– Известно какая: весенняя. Помнишь, старшие говорили? Прилетит с востока птица вещая, голова человечья, принесет с собой весну. И где она взмахнет левым крылом – там потечет вода мертвая. А где взмахнет правым – живая.

– Выдумки это, – без уверенности проворчал Игнат.

– Куда им! Ты ведь у нас – великий сказочник!

Званка рассмеялась, но потом посерьезнела, склонила набок голову.

– Игнаш, а Игнаш? А я тебе нравлюсь?

Мальчик исподлобья глянул на подругу. В ее сощуренных глазах снова заплясали бесовские огоньки.

– Только честно, ну?

Игнат неловко повел плечами, опустил взгляд.

– Нравишься...

И почувствовал, как на его плечи легли ладони.

– Тогда поцелуй меня? Прямо сейчас.

– Ты чего это? Чего смеешься, а?

– Во все я не смеюсь, – голос Званки был серьезен, решителен. – А вдруг мы с тобой последний раз видимся? Вдруг меня навь заберет, что тогда? Я ж ни разу в жизни не целовалась. А ты... ты не расскажешь никому. А если и расскажешь – кто поверит?

– Что ты ерунду-то говоришь? – Игнат почувствовал, как от ее прикосновений начинают разливаться теплые волны.

– И совсем не ерунду! – Званка еще сильнее впиалась пальцами в его плечи. – Сам же сказал, что нравлюсь я тебе? Сказал! Ну, так целуй!

Она зажмурилась, вытянула обветренные на морозе губы, дохнув на Игната молоком и сладостью. И теплая волна в этот же миг достигла Игнатового сердца, обернула его жаркой, влажной рукавицей. В животе возникла ноющая тяжесть.

Званка ждала.

Тогда Игнат зажмурился. Неумело ткнулся растрескавшимися губами в ее ждущий рот. Больно ударились зубы. На языке сейчас же появился ржавый привкус чужой крови.

– Ай! Дурак! – Званка толкнула его в грудь, отпрянула.

Игнат тоже отступил и только виновато повторял:

– Прости, прости...

– Смотри, губу мне разбил! – Она несколько раз провела пальцами по рту, сердито глянула на оторопевшего мальчика. – Да что с тебя взять? Как есть дурень!

Званка усмехнулась, вытерла рукавом рот и уже совсем без злобы сказала:

– Ладно, пойдем домой. А то вправду родные ремня всыпят.

Игнат послушно побрел следом. Его губы горели, будто прикоснулись к раскаленной головне. Но жар спадал, а позади, подминая почерневшие стволы сосен, катился взбухающий тьмою вал.

«Пережить бы зиму, – подумал Игнат. – А там придет новая буря – весенняя...»

Но до весны Званка не дождала: на закате навь достигла деревни.

За те несколько лет, что Игнат провел в интернате, трагические моменты жизни изгладились из его памяти. Прочие дети поначалу пытались над ним подсмеиваться, но на глупые дразнилки Игнат не обижался. Когда же один из самых несносных воспитанников интерната довел пакостями, тычками и подзатыльниками, терпение Игната лопнуло, и он врезал пацану так, что тот полдня прохныкал в медицинском кабинете, изведя пачку салфеток на свой расквашенный нос.

Больше к Игнату никто лезть не отважился.

Со временем он превратился из нескладного подростка в крепкого юношу с копной темных кудрей и наивным, по-детски растерянным взглядом. Наверное, именно из-за этого взгляда потерявшегося щенка, а еще из-за врожденного простодушия Игнат ходил в любимчиках у воспитательницы Пелагеи, и когда настал момент прощания, провожала она тепло, с материнской заботой.

– Чем займешься-то? – спрашивала в день отъезда Пелагея, помогая утрамбовывать в чемодан растянутые свитера, полинявшие брюки и прочий Игнатов скарб.

– Поначалу дом надо в порядок привести, – отвечал Игнат. – А там видно будет. Руки у меня есть, прилежание тоже. Неужто работу не найду?

– Найдешь, найдешь, – улыбалась Пелагея. – Не дури только да от пьянства берегись.

– Не пью я, тетя Паш, – возражал ей Игнат. – Да и не курю. Зачем мне это?

– Вот и правильно, вот и хорошо. – Пелагея кивала, заворачивала в дорогу только что испеченные, с пылу с жару, ватрушки. – Работу найди, девушку работающую, и живи себе с Богом.

Игнат вздыхал, улыбался виновато.

– Кто ж за меня, тетя Паш, пойдет?

«А Званка? Пошла бы?»

Мысль, вспыхнувшая в голове спустя столько лет, будто свеча в темной кладовке, в первый момент испугала его. Но тогда Игнат не придавал этому большого значения. Ему предстояла самостоятельная, взрослая жизнь. Попрощавшись с Пелагеей, Игнат отправился на вокзал. И поезд, медленной гусеницей отползающий от станции, снова делил на куски Игнатову судьбу, отрывая его от прошлого.

Теперь, поставив старенький чемодан на грязный бетон солоньского перрона, Игнат почувствовал легкий укус беспокойства. Словно морозный воздух родной земли, войдя в его легкие, разорвал застарелый шов.

Вот тогда-то перед его внутренним взором всплыло светлое и строгое лицо Званки. Но не той, что осталась лежать грудой изломанной плоти, а той, какой Игнат запомнил ее в лесу: голубые озера глаз и светлые косы, спадающие на плечи. Званка улыбнулась Игнату знакомой и теплой улыбкой и шепнула: «С возвращением...»

Воздух сразу прогрелся. Игнат задержал дыхание и зажмурился, чувствуя, как забытый страх смыкается над его головой, будто толща воды. И тогда рядом прозвучал обычный, человеческий и вполне реальный голос:

– Игнашка! Ты ли это, щучий сын?

Игнат удивленно распахнул глаза и жадно глотнул морозного воздуха. Навстречу приближался долговязый мужчина в овчинном тулупе.

– Ну, что рот разинул, дурень этакий? Дядьку Касьяна не признал?

Мужчина улыбался радостной, немного пьяной улыбкой сквозь заросли запущенной бороды. Крупный, покрасневший от мороза нос, разбегающиеся от уголков глаз морщинки и размашистая походка всколыхнули в памяти Игната давно забытые картины.

– Дядя Касьян! – рот Игната разъехался в простодушной улыбке. – А как же не помнить-то? Кто ж меня лесному промыслу обучал да на лыжи ставил?

Поравнявшись с Игнатом, мужчина в охалку сграбастал паренька, захлопал широкими ладонями по плечам.

– Охо-хо! Совсем заматерел! Залохмател-то как! Был-то куренком, на один ноготь положить, другим придавить. Надолго ли к нам?

– Насовсем, дядя Касьян.

Игнат высвободился из медвежьей хватки Касьяна, заморгал слезящимися глазами. Сивушный дух, исходящий от мужчины, валил с ног.

– Неужто совершеннолетний стал? – спросил тот. – Сколько же годков прошло?

– Лет пять, – с улыбкой ответил Игнат. – А вы как поживаете? Все ли в Солони по-прежнему?

– Поживаем мы известно как: ни шатко ни валко, – Касьян махнул рукой в драной рукавице. – Сегодня работа есть, завтра нету. Урожая родится мало, да и зверья в лесах поубавилось. А все после той беды...

Касьян понизил голос и пугливо огляделся по сторонам, словно опасаясь, что его могут подслушать непрошенные свидетели. Но никого рядом не было. Поезд давно покатил дальше, болезненно чихая и выбрасывая в воздух столбы едкого дыма. Платформа была тиха и безлюдна. И ноющее чувство беспокойства снова зашевелилось где-то глубоко в Игнатовой утробе.

– Где ж ты жить будешь? – переменяя тему, заговорил Касьян. – В бабкином доме, что ль?

– В нем, – подтвердил Игнат. – Цел ли?

– Цел, что ему будет. Как бабка Стеша померла, так и пустует, а посторонние к нам не суются. Вымирает деревня-то.

Они снова помолчали. Касьян вздохнул, обдав Игната запахом перегара.

– Да что лясы точить. Поехали, сам посмотришь. Колымага вон моя! – Касьян махнул в сторону стоянки, где стоял побитый, подлатанный, но все еще на ходу, внедорожник. – Думал, куниц или белок настрелять в бывших егерских угодьях. Эх, жизнь...

Он не договорил, покачал косматой головой. Игнат понял, что хотел сказать Касьян: там, где проходит навь, – жизнь умирает.

Несмотря на работающую печку, в кабине было довольно холодно. Игнат поднял ворот парки и глубже надвинул на уши беличью шапку, чтобы не замерзнуть. Пар вырывался изо рта белыми облачками, оседал на стеклах и замерзал на них, образуя сплетение морозных узоров. Касьян время от времени протирал лобовое стекло, матерился, пересыпал мат прибаутками и байками из деревенской жизни. Игнат узнал, что старый Михей поссорился со своей женой и выгнал ее из дома. Что семнадцатилетний Фимка обрюхатил девчонку в соседнем селе Малые Топи, за что его приходили бить малотопинские мужики. Что работа есть только на лесозаготовках или в карьерах, где добывают уголь и молибден. Все это Игнат слушал, иногда дыша на заиндевевшее стекло и протирая в нем круглые оконца. В них он мог видеть, как по бокам узкоколейки мелькают красноватые стволы сосен,

будто облитые кровью, но старательно гнал из головы дурные мысли.

Скоро показались дома – бревенчатые срубы, кажущиеся черными на фоне серого полотна неба. Из печных труб валили дымные клубы, доносилось приглушенное мычание коров.

– Узнаешь родные места? – с ухмылкой спросил Касьян.

Игнат кивнул, хотя деревня показалась ему чужой. То ли за прошедшие годы он успел позабыть облик покинутой Солони, то ли деревня одряхлела, съежилась, и полуразваленные дома, как согбенные годами старухи, вкривь да вкось горбато жались у обочин.

«После сошествия нави, вестимо», – подумал Игнат и прикусил язык, будто боялся, что произнес тревожное слово вслух.

Касьян убавил скорость и, тяжело подпрыгивая на ухабах, повел внедорожник мимо изб. Игнат видел, как на крыльцо одного из домиков вышла пожилая женщина, укутанная шалью. В руках она держала корыто с просом, видно, вышла покормить кур. Касьян приспустил стекло и крикнул:

– Здорово, Матрен! А я Игнашку везу! Бабы-Стешиного внука, помнишь? Тут теперь жить будет!

Баба перехватила корыто одной рукой, другую прижала к груди и заголосила:

– Ах ты, боже мой! Да неужто Игнашку Лесеня? А мы уж думали, вовсе парень пропал! Сгинул! Ах ты...

Ее причитания становились все глуше, пока не превратились в невнятное бормотание, оставшееся далеко позади. Касьян подмигнул пассажиру:

– Видишь? Помнят тебя земляки.

Игнат смущенно улыбнулся, хотя на самом деле волновала его не встреча с селянами и не сплетни, которые, он знал наверняка, будут распускать за его спиной, а единственный дом, чья покосившаяся крыша показалась в конце деревенской улицы.

Дом бабушки Стеши. Родной дом его детства.

Правый бок дома был совсем черным, опаленным огнем. Окна, заколоченные досками крест-накрест, почему-то навевали на Игната тревожное и мрачное чувство.

Внедорожник подкатил к заваленному плетню и остановился.

– Приехали, парень, – прокомментировал Касьян и достал из-за пазухи кисет с махоркой. – Да не бойся, не трогал его никто. Все время заколоченным простоял.

– Спасибо, дядя Касьян, – поблагодарил Игнат и принялся вылезать из кабины.

Чемодан казался неподъемным и пригибал к земле, хотя почти все припасы были съедены в дороге, а дополнительная пара шерстяных брюк надета еще до прибытия на станцию. Игнат остановился, переводя дух. И вздрогнул, когда на плечо легла твердая рука.

– Хочешь, провожу? – Касьян тоже выбрался из кабины и теперь стоял рядом. – Вдвоем не так страшно.

Игнат молча кивнул. Ответить что-либо он не мог: рот склеило липкой слюной, а глаза щипало от пронизывающего ветра. Под ногами захрустел нетронутый снег, и Игнату показалось, что не он шагнул к дому, а изба прыгнула навстречу, перегородила путь. Черная дверь на заржавленных петлях напоминала плотно сомкнутые челюсти людоеда, готовые вот-вот раскрыться и проглотить двух неожиданных гостей.

– Тяжело возвращаться в прошлое, – сказал Касьян, и его голос прозвучал глухо, будто со дна деревянного бочонка. – Особенно когда прошлое столь неприглядно.

– Ничего, – через силу выдавил Игнат. – Бабушка Стеша говорила, что рано или поздно

приходится выходить на бой со своими бесами. И побеждать их.

Он взялся за ручку двери и потянул.

Сначала разохшаяся дверь не хотела поддаваться. На помощь Игнату пришел дядя Касьян. Ржавые петли протяжно закричали, дверь застонала, словно мучающаяся ревматизмом старуха. На Игната дохнуло запахом сырости и пыли.

– Не бойся, – повторил Касьян, и юноше показалось, что он успокаивает самого себя. – Бабка Стеша добрая была. Даром что знахарка.

«Добрая, – подумал Игнат. – Она спасла деревню. Спасла всех, кроме...»

Рядом чиркнул колесиком зажигалки Касьян. Он успел свернуть самокрутку и теперь поджег ее, затянулся горьковатым дымом.

– Работы здесь, конечно, непочатый край. Да ты парень крепкий. Выправишь со временем.

Тусклый свет почти не пробивался сквозь заколоченные окна, и помещение освещал только огонек Касьяновой зажигалки. Игнат разглядел белую, будто выпавший зуб великана, печь, железную кровать с набросанными на ней истлевшими тряпками. В темном углу, на неумело сколоченной дощечке, стояли образа. И Игнат вспомнил, как своими руками выстругивал этот импровизированный киот. Всего за два месяца до пришествия нави.

Он снова сглотнул, вытер слезящиеся от махорочного дыма глаза. Страх, схвативший за горло возле самого порога, теперь отступил, и вместо него появилась щемящая грусть.

– Ты хоть дров набери, – сказал Касьян. – Какое-никакое тепло будет, да и свет.

– Наберу, – откликнулся парень. – Только сначала еще одно дело сделать надо.

– Какое такое дело?

Игнат еще ниже опустил голову и, проглотив первую обжигающую слезу, произнес:

– Я бы хотел попрощаться с бабушкой. Дядя Касьян, вы ведь знаете, где она похоронена?

Кладбище лежало в стороне от деревни.

Из-за темных сосен взирали кресты, такие же черные, безликие – совсем старые, но еще не истлевшие в труху. Изгородей не было, и Игнату приходилось смотреть под ноги, чтобы не наступить на чью-нибудь осевшую могилу.

– Стой, – тем временем сказал Касьян. – Прошли, кажись.

Он развернулся и забрал левее, мимо обломанного можжевельника. Игнат двинулся следом, и узловатая ветка кустарника зацепилась за рукав парки.

«Игнаш-шш...» – выдохнул пробежавший по кронам ветер.

Парень вздрогнул, высвободился из цепкого захвата можжевельника и поспешил за Касьяном. Щемящее беспокойство, зародившееся еще на перроне, вернулось.

– Дядя Касьян, – Игнат окликнул впереди идущего мужчину, – а она... тоже здесь похоронена?

Широкие плечи Касьяна вздрогнули.

– Здесь, – эхом отозвался он и резко остановился. – Пришли.

Игнат едва не влетел в пахнувший соляжкой и прелой овчиной тулуп. Мужчина посторонился, пропуская парня вперед, но тот не смог сделать и шага. Навалилась тяжесть, колени подогнулись, и под локоть предупредительно нырнула ладонь Касьяна.

– Ну, ну! Ну что ты, парень? Держись-ка! Держись...

Игнат смотрел вперед. Туда, где из пелены зимнего дня выступил покосившийся деревянный крест. Имя. Дата.

В правый висок вошла раскаленная игла, и Игнат едва сдержался от болезненного стога. Горе обжигающими ручьями выплеснулось наружу, и, слизнув языком соленую влагу, Игнат понял, что плачет.

– Два года не дождалась... – прошептал он. – Что ж ты, баба Стеша? – Шмыгнул носом и закусил губу, поднял на дядьку Касьяна заплаканные глаза: – Подождете меня в машине? Попрошаться наедине хочу...

Касьян понимающе кивнул. Хотел что-то сказать, но передумал. Несильно, по-отечески хлопнул Игната по спине, будто понимая, что негоже постороннему видеть чужие слезы.

Уже и запах овчинного тулупа истаял в морозном воздухе, уже стихли тяжелые шаги, а Игнат все стоял у покосившегося креста и плакал беззвучно, горько. Поэтому он не видел, как над головой сгущались тучи, как в полях поднялась поземка, вздымая крученые снежные вьюны, как с сосновых лап посыпался иней. Ветер швырнул за воротник щедрую пригоршню снега, и только тогда парень ойкнул, принялся вытряхивать набившийся снег, а вытряхнув, выпрямился и огляделся.

Он находился на кладбище один-одинешенек. Кресты и темнеющие стволы деревьев обступили его, будто собирались взять в оцепление. Новый порыв ветра пронесся по лесу, как тяжкий вздох мертвеца, придавленного тяжестью смерзшейся земли.

Игнат отступил. Под ногу некстати подвернулась сухая ветка. Ее хруст прозвучал в замороженном кладбищенском воздухе, словно выстрел.

«Вдруг мы видимся в последний раз? – всплыли в голове слова. – Вдруг меня заберет навь? Заберет навь... заберет...»

Тонкий девичий голос эхом отдавался в ушах. Знакомый голос. Голос Званки.

Вот тогда, с новым глотком морозного воздуха, в легкие Игната ворвался страх.

Он круто повернулся на пятках и бросился прочь, не разбирая дороги. Ветер подталкивал в спину, швырялся хвоей и снегом. Ветки кустарников хлестали наотмашь. Еще один можжевельный куст, внезапно выросший на пути, больно стегнул Игната по правой щеке. Парень отшатнулся, споткнулся об узловатые корни, потерял равновесие и с размаху хлопнулся наземь. Ватные штаны не дали разбить колени в кровь. Но вовсе не это сейчас заботило Игната.

Он лежал на могиле.

Руки упирались в покатый холмик. Наспех сколоченный крест перечеркивал небо грубыми косыми штрихами. А еще к кресту был приколот керамический портрет. От времени глазурь потемнела и истерлась, сверху вниз фарфоровую заготовку пересекала трещина, но все же Игнат узнал лицо.

Круглые щеки. Курносый нос. Две тугие косы, спадающие на плечи.

Внизу по фарфору вилась надпись:

«Званка Добуш».

Появилось чувство, будто Игнат с головой ныряет в прорубь деревенского пруда. В животе стало холодно и пусто, мир закачался и поплыл, расходясь концентрическими кругами.

«Имя-то какое – Званка, – подумалось Игнату. – Она всегда на помощь приходила, только позови...»

Веселая, отзывчивая девочка... Не поэтому ли ее выбрала навь?

Мир подернулся сгустившейся мглой. Исчезли изломанные свечи сосен, и осевшие бугорки могил, и черные кресты. Ничего этого не видел Игнат.

А видел пламя...

...Сначала пришел низкий, протяжный гул, от которого мгновенно заложило уши. Игнату показалось, что пол в избе задрожал, словно деревянные мостки после прыжка в воду. Потом он понял: звук пришел с воздуха.

Утробный рев надвое расколочил небо. Полыхнуло короткой вспышкой, как бывало во время грозы.

«Молния, – подумал Игнат. – Откуда ей взяться зимой?»

И сразу же вслед за молнией в небо ударил огненный столб.

– Сколько тебе повторять, неслух ты этакий?

Окрик прозвучал надрывно, но не грозно, скорее испуганно. Мальчик послушно отпрянул от окна. Мир расплывался оранжевыми пятнами, и в этом огненном мареве Игнат видел бабу Стешу, машущую ему рукой.

– Живее, Игнашка! Залезай же, лихо мое!

Он юркнул мимо бабки в пахнущую сушеными травами и землей утробу погреба. Внизу, возле дальнего угла, нахохлившимся совенком сидела Званка.

– И носа не смейте казать, пока не позову, слышите?! – прокричала бабка.

Она опустила крышку погреба, и Игната окутала непроглядная тьма. Он вздрогнул, когда что-то теплое коснулось его руки. Мыши?

Но это была всего лишь Званка. Ее встревоженный шепот раздался возле самого уха:

– Что это такое, Игнаш, а?

Он сжал ее мокрую ладошку, ответил уверенно и серьезно:

– Навь.

Они замолчали и некоторое время сидели, плотно прижавшись друг к другу. Было тихо-тихо. Так тихо, что собственный пульс казался Игнату неправдоподобно громким, будто кто-то лупил в барабаны внутри головы.

Званка первой нарушила молчание:

– А может, и нету ничего?

– То есть как? – переспросил Игнат. – Нави нету?

– Ничего нету, – повторила Званка.

Она убрала руку. Привыкший к темноте Игнат видел, как ее силуэт выпрямился.

«А как же взрыв?» – хотел спросить он и не спросил.

Угловатый Званкин силуэт качнулся в сторону. Послышался грохот посуды, как если бы кто-то с размаху влетел в кухонный шкаф.

– Осторожно! – вскрикнул Игнат.

Званка что-то сердито прошипела. Снова послышался звук сдвигаемого стекла.

– Тьма – хоть глаз коли. Что тут у вас за банки? Варенье?

– Варенье, – убитым голосом подтвердил Игнат. – Разбила?

– Не...

Силуэт качнулся обратно. Шаги стали осторожными, выверенными.

– Ты как хочешь, а я пошла наверх, – подала голос Званка, и под ее ногой скрипнула ступенька.

Игнат подался вперед и ухватился рукой за край деревянной лестницы:

– Баба Стеша велела сидеть тут!

– Сиди, сиди, – отозвалась Званка. Ступеньки продолжали поскрипывать в такт ее осторожным шагам.

– А как же навь? – страшное слово упало во тьму, как камень в разинутый зев колодца.

– Вот и посмотрим, какая такая навь.

Голос Званки звучал теперь от низкого подвального потолка. Кажется, она достигла верхней ступени. Протяжно заскрипели несмазанные петли – это Званка пыталась приподнять тяжелую крышку погреба.

– Да помоги же, дуралей! – зашипела она на мальчика.

Игнат не обиделся на дуралей. Бесшабашная храбрость подруги восхищала его. Кроме того, его губы помнили прикосновение к влажным губам Званки, и при одном воспоминании об этом сердце обволакивала приятная истома. Осторожно переступая со ступеньки на ступеньку, Игнат добрался до верха. Вдвоем они принялись толкать деревянную крышку, и старые петли поддались. В глаза тотчас брызнул свет – всего лишь сумрак затененной комнаты, но после крошечной темноты подвала и он показался нестерпимо ярким.

«А если баба Стеша рядом? – запоздало подумал Игнат. – Велела ведь сидеть и не высовываться. Увидит – такого ремня всыплет...»

Он не успел дофантазировать положенные ему наказания, как бревенчатые стены избы заходили ходуном. Снаружи слышался нарастающий рев и треск, от окна полыхнуло, и сквозь рамы начал просачиваться тошнотворный запах гари.

Проворная Званка первой метнулась к окну. Выглянула в самый краешек стекла, но сейчас же отпрянула.

– Ох! – сказала она и повторила: – Ох...

Игнат следом залез на скамейку и тоже глянул.

Первым, что бросилась в глаза, было пламя.

Оно полыхало вполнеба, окрашивая деревенские крыши пурпурным глянецом. Игнату казалось, что даже от стекла исходит жар плавильной печи, таким близким и ощутимым был разбушевавшийся огонь. Над алым полотнищем стлался дым – густой и жирный, как кисель. И Игнат слышал, как где-то далеко, за этой ревущей огненной стихией, мучительно и страшно замычали коровы.

У плетня, кажущегося угольно-черным, словно собранным из обгоревших веток, спиной к избе стояла бабка Стеша. Ее жидкие волосы, всегда аккуратно собранные в пучок, беспорядочно развевались по ветру. Ветер трепал и подол цветастой юбки, измазанной чем-то маслянистым. А прямо перед бабкой стояли они...

Внутренности Игната скрутило в тугой узел. Какое-то саднящее чувство – предчувствие беды – заскреблось кошачьими коготками.

«Беги, – шептало оно. – Прячься...»

Но Игнат не побежал, а только стиснул мокрыми пальцами край подоконника и продолжал смотреть. Он никогда раньше не видел их, только слышал сказки да обрывки баек от других, видевших. Но сразу понял, кто стоит по ту сторону плетня.

Навыи.

Их было четверо. Один впереди, трое чуть поодаль. Не люди, только тени. Угловатые, вымазанные пеплом и сажей, грязно-серые, будто сказочные жуки-мертвеглавцы. Их неподвижность была искусственной, неживой.

«Пугала, – подумал Игнат. – Сбежавшие огородные пугала с соседского участка».

Бабка Стеша вздымала сухие старческие руки, и они напряженно подрагивали. Ветер вздымал подол юбки, оголяя ноги в аккуратно заштопанных чулках. Тени молчали, и бушующая стихия разворачивала за их спинами огненные крылья.

– Игнаш!

За рукав настойчиво дернули.

Игнат моргнул, опустил взгляд. Лицо Званки было испуганным, глаза широко распахнуты.

– Игнаш, не смотри! Сам же говорил, если долго на них глядеть, то увидят и заберут...

Мальчик отпрянул от окна.

– Стало быть, веришь теперь?

Званка закивала. Голубая заколка-бабочка съехала с челки, и девочка вернула ее на место побелевшими пальцами.

– Верю, верю. Да и как не верить? Черные совсем, неживые...

– О чем с ними баба Стеша говорит?

– Не знаю. – Званка покачала головой. – Но бабка твоя ведунья. Что-то да придумает...

Они помолчали, вслушиваясь в треск и рев пламени снаружи.

– Может, вернемся в подпол? – шепотом предложил Игнат.

На этот раз Званка не стала спорить. Кивнула, принялась слезать с лавки. В это же время за окном полыхнуло новым заревом. Изба задрожала, будто сказочный богатырь ударил по ней многопудовой палицей. В животе разом похолодело. Игнат не удержался и глянул в окно. Вслед за ним глянула и Званка.

У плетня не было больше ни бабки, ни темных, вросших в землю существ. Зато теперь горел другой край деревни. Веретенообразный жгут из пламени и дыма выросстал совсем близко от Игнатовой избы. И Званка закричала – высоко, громко:

– Мамка! Папка!

Потому что горел ее собственный дом.

Она скатилась с лавки кубарем, метнулась в сени.

– Не ходи! – крикнул Игнат вслед. – Там же...

«...навьи».

Ворвавшийся ветер проглотил окончание фразы и принес с собой запахи гари и дыма. И еще чего-то приторно-сладкого, неуловимо знакомого, как могло пахнуть из банки со старым, засахарившимся вареньем.

«Откуда бы взяться этакой сладости?» – подумал Игнат.

И понял: это Званка распахнула дверь...

Игнат не знал толком, как добрался до дома. Все, что он помнил, – это как очнулся на могиле Званки Добуш. Мертвящий холод продирает до костей, а перед глазами еще полыхало багряное зарево. Игнату казалось, что оранжевые язычки пламени занялись и по краям фарфоровой фотографии. Глазурь тотчас треснула, и юное, немного печальное лицо девочки расколосось.

Игнат моргнул несколько раз, пытаясь отогнать морок. Но огонь разгорался все жарче, все быстрее разбегаются ломкие морщины трещин. Лицо Званки перекошило, нижняя его часть начала оползать, как подтаявший воск. Губы искривились, разошлись, приоткрывая зияющую рану рта, словно она хотела сказать что-то, докричаться до Игната с темной стороны, куда ее утащила навь.

Вот тогда Игнат и побежал прочь.

Он не оглядывался, чтобы не увидеть, как Званкино лицо кривится и дергается от смертной муки. И зажимал ладонями уши, чтоб не слышать хрипящий, разрывающий барабанные перепонки вой.

Только оказавшись дома и закрыв за собой дверь, Игнат вспомнил клочки тех нескольких минут жизни.

Назад его довез дядька Касьян, смиренно поджидавший парня возле кладбища и немало удивленный Игнатовой прыти. Он же поделился с парнем дровами и оставил обживать избу. Дальнейшие события как-то сами собой смялись в бесформенный бумажный ком. Может, от излишнего потрясения, а может, от едкого дыма, наполнившего избу при долгом розжиге печи, но в ту ночь Игнат не мог заснуть. Он крутился на старой бабкиной постели, чувствуя разрастающийся жар в груди. Дышать было трудно, сознание туманилось и плыло, но не давало провалиться в спасительный сон. Промучившись на постели до утра, Игнат, разбитый и обессиленный, поплелся к соседскому дому.

Дверь ему открыла полная немолодая женщина и ахнула, всплеснула руками.

– Господи святой! Да неужто это Игнат Лесень вернулся? Да как вырос! Натуральный жених! Что ж ты на пороге стоишь? Входи, входи...

Она отступила от двери, пропуская паренька в дом. Игнат, однако, не спешил входить и стоял на пороге, низко опустив голову.

– Мне бы молока немного, тетя Рада?

Вместе со словами из его рта вышли свистящие хрипы. Дородная Рада закивала согласно, засуетилась.

– Конечно, сыночек. Нешто молока пожалею? Мы ведь с твоей бабкой Стешкой век вековали, тебя еще вот таким помню, – она выставила пухлый мизинец. – Ах ты ж, святой боже! Да ты входи!

– Спасибо, тетя Рада, я тут подожду. Нездоровится мне...

Игнат привалился плечом к двери и прикрыл глаза. Реальность расползлась ключьями тумана – неживого, белесого, что наползает под утро на деревенское кладбище. И парень не сразу почувствовал, как на лоб легли мясистые и потные ладони.

– Да ты горишь весь! – ахнула тетя Рада. – Жаром так и пынешь!

– Простыл на ветру, поди, – едва слышно прошептал Игнат.

А потом не стало ничего. Мрак, идущий по следу от самого приюта, настиг его и лег на

плечи тяжелой медвежьей шубой. Кажется, его довели до дома. Кажется, уложили в кровать и что-то насильно вливали в изъеденное палящим зноем горло. Прошедшие события переплелись в сознании Игната. И он уже не мог сказать, где заканчивается сон и начинается явь.

Вот тогда к нему и пришла мертвая Званка.

Сначала в дверь легонько заскреблись. Будто загулявшая кошка просилась обратно, в тепло и негу хозяйского дома. Игнат хотел открыть глаза, но не мог, слабость намертво пригвоздила его к постели. Но в горячечном бреде чудилось, что рядом раздаются мягкие, шаркающие шаги бабки Стеши. Как обычно, она с кряхтением пройдет в сени, неспешно отодвинет проржавевшую щеколду и скажет ласково:

– Ну, иди, иди домой, Муся. Иди, вот я тебе молочка налью...

И губы Игната шевельнулись, эхом повторяя за бабкой:

– Иди домой, Муся...

Но вместо слов вырвались только надсадные хрипы. В горле было горячо и сухо, легкие превращались в раскаленную от зноя пустыню. Тогда шаги возобновились снова.

Так мог идти очень старый или очень больной человек – шаркая и подволакивая ноги. Старый дощатый пол отзывался на каждый шаг легким поскрипыванием.

«Вот я тебе молочка налью...»

Игнату представилось, как в глиняную миску льется парное молоко. Легкий, журчащий звук. И запах свежести, скошенного луга, сырой земли...

Игнат вздохнул, закашлялся. Запах земли стал отчетливее, к нему почему-то примешивался другой – удушающий, гнилой запах разложения. Разве так пахнет молоко?

Он сделал над собой усилие и открыл глаза.

Комната была наполнена туманом. Стены качались и таяли, будто сотканые из паутинных нитей. И все предметы вокруг – облупившаяся печь, платяной шкаф и стол – дрожали и расплывались во мгле. Но тем отчетливее из этого колышущегося марева выступала надломленная фигура Званки.

Игнат сразу узнал ее и понял, что она всегда ждала его. Она всегда была здесь – молчаливая, неподвижная, как те неподвижные тени у плетня. Мертвая. Кукла, которой позабавились навьи, сломали и выбросили за ненадобностью.

Только теперь кто-то завел эту куклу снова.

Званка была облачена в белый погребальный наряд – длинную, до пола льняную рубаху. Ткань, уже подернутая тлением, по краям темнела и рассыпалась. Косы – эти солнечные, пышные косы Званки – лежали на худых плечах, будто мертвые змеи. В них были вплетены бутоны искусственных роз.

Званка шагнула. Ее острые ключицы, выступающие в широкий вырез рубахи, заходили ходуном. До Игната долетел еле слышимый звук ломающегося хвороста.

Покойница шагнула еще. Шаг получился скользким, неровным. Тело мотнуло в сторону, и Игнат с ужасом увидел, как верхняя часть Званки сместилась вперед с протяжным мокрым хрустом. По ткани погребальной рубахи начали расплываться темные пятна.

«Я сплю, – подумал Игнат. – Сплю и вижу плохой сон».

Он хотел открыть рот, позвать кого-то на помощь, но язык прилип к высохшему нёбу. Мертвая девушка стояла в ногах. Провисшая рубаха лежала на ее груди изломанными складками. Вывернутые из суставов руки свисали, будто усохшие ветки. Потом лицо покойницы стало кривиться и мелко подергиваться. Губы приоткрылись, между ними

прорезалась косая щель.

– М-м... – протяжно застонала мертвячка.

На Игната дохнуло смрадом болотной тины и прелой земли. От страха показалось, что он сам омертвел, а душа отделилась и теперь едва крепится к телу на каких-то невидимых тончайших нитях.

– М-м... – снова выдохнула Званка. Черная щель рта округлилась. С посиневших губ выплеснулась густая и темная жижа.

– М-м... м-мер... тва...

Ее рот был забит землей и грязью. Слова давались с трудом, но Игнат уже понял, что хотела сказать ему Званка.

«Мертвая» – вот что силилась произнести она.

От мучительных усилий губы покойницы исказились, и рот стал похож на округлую дыру колодца.

– В... в-во... – с новым выдохом на покрывало упало что-то извивающееся, белое.

«Черви», – понял Игнат, и желудок спазматически сжался.

Тем временем Званка мелко задрожала, послышались сухие щелчки крошащихся костей. Верхняя сломанная часть стала крениться, соскальзывать с гниющего остова, как соскальзывает подтаявший снежный шар с фигуры снеговика. Вот тогда Игнат нашел в себе силы и закричал.

Он кричал долго, надрывно, срывая и без того сорванное болезнью горло. Кричал на одной ноте и извивался на постели, чувствуя прикосновение окостенелых рук.

– Ну, тихо, тихо, тихо! – голос был мужским, басовитым, знакомым.

– На вот, Игнастик. Выпей, сынок, – другой голос прозвучал ближе, реальнее.

Игнат заморгал, мокрой ладонью вытер лицо раз, другой. Комната выступила из липкого тумана, приобрела очертания. И не было больше шатающейся фигуры мертвой Званки, а были только встревоженные лица дяди Касьяна и соседки Рады. И еще одно – незнакомое лицо молодой женщины. Она ловко выдернула из-под руки Игната градусник, проверила температуру.

– Гораздо лучше. Отменяй вызов, дядь Касьян!

– Вот и хорошо, – загудел Касьян, поднимаясь. – Дороги-то все замело, теперь не то что на моей развалюхе, на черте не доедешь!

Его грузная медвежья фигура, пошатываясь, двинулась к выходу. В губы Игнату снова ткнулся край глиняной кружки.

– Выпей, сынок, чай с липой при воспалении хорошо, – приговаривала Рада. – Вот и доктор подтвердит.

– Подтверждаю, – с улыбкой произнесла девушка.

Теперь Игнат видел, что она не намного старше его. Девушка улыбалась, но серые глаза оставались сосредоточенными, серьезными. Взглядом она словно ощупывала Игната, проверяя – действительно ли опасность миновала?

Игнат послушно отхлебнул ароматного напитка, закашлялся.

– А что со мной было-то? – прохрипел он.

– Воспаление подхватил, – ответила девушка. – Если бы сегодня не оправился, повезли бы в город, в больницу.

– Скажи спасибо нашей Марьяне, – закивала тетя Рада, а ее двойной подбородок заколыхался. – Вот уж Господь лекаря послал, дай ей Бог здоровья!

Она перекрестилась сама, перекрестила девушку, потом Игната и вздохнула. Парень отвел взгляд: колыхание дородного тела тетки Рады вызвали в памяти трясущуюся, осыпающуюся фигуру мертвячки.

– Да и соседям спасибо надо сказать, – отозвалась Марьяна. – Хорошие тут люди, добрые. Тетя Рада все ночи с тобой сидела. Компрессы да уколы ставить помогала.

– Спасибо вам, – послушно прошептал Игнат. – И долго ли я в беспамятстве провел?

– Две ночи считай, – ответила Рада. – Бредил, горемыка. Говорил что-то во сне.

Она протянула руку и погладила паренька по спутанным кудрям. От ее прикосновения внутри Игната все сжалось, похолодело. Показалось, что в комнате снова пахнуло сыростью погребца. Но очертания предметов больше не расплывались в тумане, и покойница не подошла к его постели, чтобы шепнуть то, ради чего восстала из могилы.

– А... что я говорил, тетя Рада? – спросил Игнат, и голос его оборвался.

Та пожала плечами, ответила беспечно:

– Нехорошее что-то. Да что хорошего в болезни-то придет? Позади это теперь.

– А все же, что именно? – Игнат поднял пытливые глаза, и ответ заставил его внутренне содрогнуться:

– Что-то про воду. Ты повторял: «Мертвая вода».

Игнат шел на поправку удивительно быстро: спасибо от природы крепкому организму и своевременной помощи фельдшера Марьяны Одинец. Парень безропотно принимал назначенные ему лекарства, делал компрессы и нахваливал бульоны тетки Рады, которые та исправно поставляла «бедному сиротке».

Несколько ночей после явления мертвой Званки Игнат спал плохо: вскакивал на любые шорохи, будь то шелест шин по скрипучему снегу, или треск угля в печи, или мышьяная возня под полом, и прислушивался, тревожно вглядываясь в темноту. Пробовал спать при свечах, но вскоре отказался и от этой затеи: любая тень в колеблющемся свете вырастала до потолка, шевелилась, вызывая в памяти то надломанную фигуру мертвячки, то неподвижные тени у плетня из далекого прошлого. Но вскоре призраки перестали беспокоить Игната, и он принялся потихоньку приводить в порядок дом.

– А парень ты рукастый, – одобрительно гудел Касьян, помогая налаживать электрическую проводку, пока Игнат ловко выпиливал стропила для крыши. – Где таким премудростям выучился? Неужто в приюте?

– В приюте, – соглашался Игнат. – Нас всех кого плотницкому, кого сапожному, кого токарному ремеслу обучали.

– Ну, молодец! Я всегда говорил твоей бабке, что толк из тебя выйдет! Зря только дурачком называли.

– Воспитательница Пелагея меня тоже дуралеем звала, – добродушно улыбался Игнат. – Наивный, говорила, и в сказки веришь.

Следующие несколько недель ушли на то, чтобы законопатить щели и начерно перекрыть прохудившуюся крышу. Вместе с деревенскими мужиками Игнат ездил в лес запасаться древесиной. Дело продвигалось медленно, но верно, и все меньше времени оставалось на невеселые раздумья, и постепенно парень сдружился со многими жителями деревни. Правда, Игнатовых ровесников в Солони осталось мало. Трофим и Севка уехали искать лучшей жизни в большом городе, Степка по пьяни утонул в Жуженьском бучиле, а тело так и не нашли. Поговаривали, болотники забрали, да зачем нужен болотникам этот нахальный верзила? Еще трое из знакомой Игнату компании переженились, и у двоих уже народились дети. Но говорить с ними Игнату было не о чем, а потому он предпочитал общество более взрослых мужиков, таких, как Касьян, или хромой, подстреленный на охоте Матвей, или солоньский долгожитель Ермолка, который после полуштофа умел выдавать такие затейливые истории, что слушатели за животы от смеха хватались, а бабы сплевывали через плечо с непременно присказкой: «Тьфу! Седина в бороду – бес в ребро». У него-то, этого смешливого деда, замшелого, как лесной пень, и разомлевшего после очередного возлияния, Игнат и спросил однажды, а слышал ли тот про мертвую воду.

– Про мертвую, говоришь? – Дед положил артритные руки на самодельную клюку, прищурился. – Слышал, а как же. Нешто тебе бабка Стеша не рассказывала?

– Может, и рассказывала, – осторожно ответил Игнат. – Да сколько лет прошло.

Он присел на покосившуюся лавчонку. От натопленной печи исходило тепло, от деда веяло овчиной и брагой, и эти запахи успокаивали Игната. Это был понятный и знакомый мир, где нет места встающим из гроба покойникам.

– Да зачем тебе мертвая вода, когда есть огненная? – Дед Ермолка встряхнул початую

бутыль с мутной жидкостью. – На вот, испей!

– Не пью я, деда, – отнекивался Игнат. – Ты мне все ж про мертвую расскажи.

Дед снова приложился к горлышку, крякнул, занюхал рукавом. Старческие глаза наполнились слезами.

– Хороша бражка, – проговорил он. – Значит, про мертвую...

Дед подбросил в печь несколько чурочек, побряхтел, присаживаясь снова.

– Есть такое поверье, – размеренно заговорил Ермола, – что в конце зимы с востока прилетает вещая птица. Крылья у нее соколиные, лапы совиные, а голова человечья. И так быстро она летит, что вслед за ней несется черная буря. Видел буреломы, те, что к западу от Жуженьского бучила находятся?

Игнат кивнул. Туда в далеком детстве бегал он со Званкой за голубикой. Да только не доходил до бурелома – страшно было брести между высохшими остовами сосен, утопая по самую щиколотку в вязкой жиже. А впереди, насколько хватало глаз, простирались искореженные, изломанные, нагроможденные друг на друга деревья. Их сваленные в кучу стволы образовывали высокую стену, словно она была выстроена не природой, а руками человека. Словно оберегала людей от чего-то таинственного... но не уберегла от нави.

– Разве это не после войны осталось? – спросил Игнат.

– Может, и после войны, – согласился дед. – Я, когда пацаненком был, бегал туда в поисках штыков, солдатских касок да военной техники. Но не всегда находил.

– Так ведь все, что после войны осталось, чистильщики убрали да всю грязь вывезли, – заметил Игнат. В интернате по истории у него была крепкая четверка.

– Чистильщиков я и сам видел, – не стал спорить дед Ермола. Он снова прервался на полуслове, откупорил бутылку, сделал глоток. По комнате разлился стойкий сивушный аромат. – Видел, – продолжил Ермола. – Приходили в серых скафандрах, в шлемах. Все измеряли что-то да по лесам шастали, уже сколько лет наши Южноудельные земли в божеский вид приводили. Только не дошли они до бурелома. Даже до бучила не дошли.

– Как не дошли? – удивился Игнат. – А что же случилось?

– А кто их знает, – пожал плечами дед. – Может, приказ от командования получили. Может, решили, что нет тут никакой опасности. Только быстро они лагерь свернули да за один день убрались от здешних мест подальше.

Игнат удивленно покрутил головой. То, о чем рассказывал дед Ермола, шло вразрез с тем, о чем говорили на уроках истории в интернате.

Война, случившаяся больше века назад между Южноудельем и Объединенным Эгерским королевством, принесла с собой разруху и смерть. После ядерных бомбардировок на севере страны воцарилась зима, обрекая урожай на гибель, а все живое – на голод. Люди бежали на юг, отвоевывая территории, не зараженные радиацией, и заново отстраивая города. Потом наступило затишье. Эгерцы зализывали раны, южноудельцы вздохнули свободнее, и вскоре заново началось освоение севера, что принесло с собой надежду на возрождение и новую жизнь. По миру пошли специально обученные отряды чистильщиков, уничтожающие все, что могло угрожать человеку. Были проверены каждый кустик, каждый камешек по всей территории Южноудельных земель.

Так было написано в книжках.

– Не читал я книжек твоих, – отмахнулся дед. – Да и ты б поменьше голову всякой ерундой забивал. Слышал ведь поговорку? Горе-то отсюда, – он постучал обломанным черным ногтем по выпуклому лбу, – от ума. Те, умные, тоже о себе много возомнили. А как с

необъяснимым столкнулись – так сразу и дали деру. И не приходили больше на эти земли ни чистильщики, ни военные. Относительно спокойно жили...

Дед замолчал, но Игнат понял, что вертелось у него на языке: жили спокойно до явления нави.

– Так что же птица? – спросил Игнат.

– Да, птица, – дед закричал, удобнее устраиваясь на лавке. – Вот и получается, что пролетела она тут еще до нашего с тобой рождения. Пролетела – как языком лес подчистила. Остались одни голые сосны да бурелом по эту сторону. Говорят, и по другую такой же есть, а между ними будто дорога проложена – это место, где она правым крылом махнула. Да только я, сколько живу тут, никогда дальше бучила не ходил.

«И никто не ходил, – подумал Игнат. – Даже чистильщики назад повернули, вот что странно...»

А вслух спросил:

– Что ж это за дорога, деда?

– Да поговаривают, что не дорога это. А высохшее русло ручья. Ведь известно, где птица вещая, голова человечья, правым крылом по земле махнет – там живая вода потечет. А где махнет левым – там и потечет мертвая вода.

– Так если она здесь правым крылом махнула, то где ж тогда левым?

– А вот этого я тебе никогда не скажу, – ответил дед. – Потому что и сам не знаю. Птица эта хитрая, многие тайны ведает, которые знать людям не надобно. Может, не в наших землях это. А где-то дальше, к северо-западу. Может, даже в другой стране, за семью морями, на острове Буяне, на хрустальной горе. Прилетает туда птица на все лето и вьет гнездо, и по левое крыло от нее бьет мертвой воды ключ, а по правое – воды живой.

Снова воцарилось молчание. Игнат следил, как огонь пляшет в жерле печи, перекрашивая сосновые поленья в ровный угольно-черный цвет.

– Почему же русло пересохло? – первым нарушил молчание Игнат. – Если здесь вода живая текла, то она и должна была весь лес оживить, разве не так?

– Так, да не так, – ухмыльнулся в бороду дед Ермола. – Чтобы мертвый лес оживить, его сначала надо неживой водой сбрызнуть. От мертвой воды все раны срастаются, а все неуспокоенные души покой находят. Тогда уже их оживлять можно. Только нет у нас мертвой воды, да и живой теперь нет. Забрали живую воду-то.

– Кто забрал? – почему-то шепотом переспросил Игнат.

– Да уж известно кто, – ответил Ермола и наклонился к парню, дожнул в его лицо свежей сивухой и чесноком. – Навь это была, понял? Вот оттого и окрепла она. Вот оттого и возвратилась сюда. И еще вернется...

– Ах ты ж, старый хрыч! Опять за свое!

Игнат подскочил на лавчонке. Взвился и дед Ермола, пряча за спиной пузатую бутылку. Его жена, приземистая, крепкая бабка Агафья, налетела, как ворон на добычу.

– Опять пьянствуешь да парню голову морочишь? – В ее руках взмыл мокрый рушник и со звонким шлепком опустился на дедову лысину. – Вот я тебе покажу сейчас, как сивуху хлестать! – С каждым новым ударом дед приседал, не выпуская, однако ж, бутылку из рук, а бабка Агафья повторяла размеренно и яростно: – Вот тебе водица-огневица! Вот тебе сказочная птица! Вот тебе бес в ребро!

– Не надо, баб Агафья! Ну, хватит, а? – упрямил Игнат, глядя на ужимки старого пьянчуги, хотя его так и разбирал смех. – Да мы просто разговаривали, чего уж там!

– Ты бы поменьше с хрычами старыми время проводил. – Бабка Агафья наконец отобрала у деда бутылку и встала в позу победителя, уперев в бока крепкие кулаки. – Что ты ко всем пьяницам льнешь? Когда такие молодухи по домам сидят и только ждут, пока их добрый молодец за околицу пригласит.

– У Кривцев старшая-то так похорошела! – масляным голосом отозвался дед Ермолка.

– Молчи! – Агафья снова замахнулась рушником.

Игнат разулыбался.

– Да какой же я добрый молодец? Дурачок я.

– Был дурачок, да весь вышел, – отрезала Агафья. – Хотя коли еще с пьяницами о ерунде речи вести будешь, то и совсем поглупеешь.

– Гонишь, баба Агафья?

– Гоню, – подтвердила бабка, сердито отбросила прилипшую на лоб прядь. – Я вон пирог испекла. В сенях остывает. Поди, возьми.

– Зачем же так? Расстарались для меня...

– Да не для тебя, дурень. Ты, поди, спасительницу свою так и не отблагодарил?

– Это кого же? – удивился Игнат. – Так я только намедни тете Раде плетень починил.

– Плете-ень, – передразнила бабка. – Все ж дурень ты, как есть дурень. А докторица-то? Марьяна Одинец? Ей ты что сделал?

– Ничего, – убитым голосом признался Игнат. Щеки налились румянцем.

«А ведь правда, – сконфуженно подумал он. – Только спасибо и сказал. Да что ей мое спасибо?»

– Вот красней теперь, красней, ирод, – беззлобно журила Агафья. – Стыдно, да?

Игнат только вздохнул тяжело.

– Вот я за тебя побеспокоилась, – примирительно сказала бабка. – Пирог возьми.

– Что ж... пойду я тогда, баба Агафья. Тебе за заботу спасибо.

– Иди-иди! Да смотри, не вырони по пути. Все вы, мужики, как дети малые.

Уже находясь в дверях, Игнат услышал тоненькое бляенье деда Ермолы:

– И заботливая же ты у меня, Агафьюшка...

– Молчи, окаянный! – прикрикнула бабка.

Последующий за этим звонкий шлепок заверил Игната, что ссора на этом не закончилась.

От пирога шел чудесный аромат яблок и корицы. Совсем как в детстве.

Бабка Стеша нечасто баловала Игната пирогами, лишь по большим праздникам вроде Рождества или Пасхи. Но если бралась за дело, то со всей серьезностью. Потому и пироги ее славились по всей Солони. Видать, перед смертью науку передала. К горлу подступил комок, и парень мотнул головой: негоже себя грустными воспоминаниями изводить.

Он немного потоптался на крыльце. Фонарик, раскачивающийся над дверью Марьяны Одинец, освещал двор мягким золотистым светом, и в наступивших сумерках казалось, что это зацепился за крюк отколовшийся кусочек луны.

Звонок не работал. Игнат несколько раз нажал черный западающий кругляш кнопки, но вместо резких переливов слышались только сухие щелчки. Вздохнул и постучался в крепкую, обитую дубовыми рейками дверь. Раз. Другой.

«Если после третьего раза не откроет, не буду надоедать», – загадал Игнат.

Но в сенях послышались шаги.

– Кто там?

Приглушенный голос казался настороженным, усталым, но не злым.

– Это Игнат Лесень, бабы Стеши внук! – отозвался парень, как привык представляться, и вспомнил: Одинец была чужачкой, а потому могла не знать его бабу.

Тем не менее замок повернулся на два щелчка, дверь раскрылась, выпустив из недр избы желтую полоску света. Марьяна была одета в махровый теплый халат. Тяжелая коса перекинута через плечо, на губах улыбка.

– Никак снова температура поднялась? – спросила она заботливо.

Игнат смущенно заулыбался, выставил пирог, будто предлагал подаяние.

– Вот. За заботу поблагодарить хочу.

Он глядел исподлобья, ожидая, что строгая лекарница отчитает за позднее появление или за неуместный подарок. Но Марьяна только лукаво ответила:

– Ну что ж, входи, Игнат, бабы Стеши внук.

И те же лукавые огоньки зажглись в серых и умных глазах. Игнат мотнул головой, чувствуя, как по плечам бисеринками рассыпаются мурашки.

– Да я что же... время-то позднее, – смущенно проговорил он.

– Входи, говорю, раз пришел! – Марьяна засмеялась, показав ровные белые зубы. – Что ж, мне с тобою тут до полуночи мерзнуть? Не лето на дворе!

– Не лето, – согласился Игнат.

Он неуклюже обогнул девушку и долго топтался в сенях, стряхивая снег с залатанных пим. Марьяна наблюдала за ним все с той же лукавой улыбкой, потом подступила решительно, взялась за расписанный под хохлому поднос.

– Давай-ка сюда пирог, быстрее будет!

Игнат послушно передал подношение и почувствовал прикосновение ее теплых рук к своим, задубевшим и грубым от мороза.

– Согрею-ка нам обоим чаю, – сказала Марьяна и удалилась в недра избы, пока гость с сопением стягивал обувь.

Игнат ожидал, что в доме врача ему тотчас ударят в нос запахи лекарств, как пахло в медицинском блоке интерната, или сушеных трав, как пахло в избе у бабки. Но здесь витали

ароматы душистого чая и свежей сдобы. Наконец, избавившись от обуви и верхней одежды, Игнат прошел дальше, в гостиную, где на круглом столике была аккуратно расстелена кружевная салфетка. Там же стояли две чашки, плетеная корзинка с конфетами и уже знакомый Игнату поднос с яблочным пирогом.

Он скромно присел на краешек дивана, оглядывая аккуратную комнатку с минимумом мебели, но оттого еще более светлую и чистую. В углу тикали ходики, резной маятник, изображающий солнечный диск, мерно покачивался из стороны в сторону. На краю дивана лежала толстая книга, на обложке которой Игнат прочел название: «Клиническая фармакология». Рядом с нею лежали пяльцы, меж которыми была натянута канва с еще незаконченной работой. Не решаясь взять ее в руки, Игнат вытянул шею, разглядывая вышивку. И сердце рухнуло вниз.

Голубыми и черными нитками по белому была вышита сидящая на одиноком побеге птица с человеческой головой. Перья и волосы будто растрепал налетевший ветер. Глаза волшебной птицы были серьезны и черны.

«Вьет она гнездо за семью морями, на острове Буяне, на хрустальной горе, и по левое крыло бьет мертвой воды ключ, а по правое – воды живой...»

– Нравится?

Игнат вздрогнул, поднял встревоженные глаза. Марьяна успела переодеться в флисовый домашний костюм.

– Кто это? – спросил Игнат, снова переводя на вышивку замороженный взгляд.

– Репродукция с картины, – девушка поставила чайник на деревянную подставку. – Вышиваю на досуге. Нравится?

– Нравится, – честно ответил Игнат. – Искусница же вы, Марьяна.

Та усмехнулась.

– Да уж можешь мне не «выкать», не сильно старше тебя. Двадцать мне.

– И уже лекарница? – не поверил Игнат.

Он немного отодвинулся, словно боялся, что вышитая птица оживет и утянет его в темное небытие.

– Фельдшер я. Сюда по распределению направлена.

Марьяна разлила по кружкам золотистую заварку, выложила на блюдца по куску пирога.

– Сама-то я нездешняя, – пояснила она. – Из Новой Плиски. Слыхал?

– Не. – Игнат качнул головой, подхватил заваливающийся с блюдца кусочек. Край ложечки с хрустом проломил упругий глазированный бок пирога. – Да я и сам приехал недавно, – сказал он. – Бабушка Стеша меня на учебу в интернат направила. Говорила, науку получу да профессию. А здесь какое образование? – Он вздохнул и спросил: – И надолго ты к нам врачом-то?

– Вот уж не думаю, – усмехнулась девушка.

Она отхлебнула из кружки, смахнула упавшие на лоб темные волосы. Игнат поймал себя на мысли, что в открытую любуется ее красотой – не той глянцевогой красотой, что видел в журналах, которые интернатские друзья прятали под матрасами. Красота Марьяны была другой – спокойной и чистой. Нарядить ее в сарафан – и будет вылитая лесная богиня-берегиня.

– Хочу набраться опыта как практик, – продолжила она, звонко тренькая серебряной ложечкой о край чашки. – А там, может, в большой город подамся. В Кобжен или Славен.

Игнат слегка нахмурился, почувствовав укол ревности ко всем большим городам, и

понял, что никуда не хочет отпускать эту открытую и добрую лекарницу.

– Жить и у нас можно, – возразил он. – Нешто у нас хороших людей нет?

– Хорошие люди есть, да возможностей мало, – вздохнула Марьяна. – Но до лета, а то и до следующей осени мне все равно придется у вас пожить. Ты-то сам в большой город не думал перебраться?

Игнат не думал и врать девушке не хотел, а потому отрицательно мотнул взъерошенной гривой.

– Тут моя родина, тут бабушка Стеша жила, тут и похоронена. Да и куда мне в город-то? Премудrostям я не обучен.

– Так в городе не только ученые с докторами нужны, – хитро улыбнулась Марьяна. – Плотники тоже пригодятся. А я слышала, как вся деревня тебя хвалит. Только и разговоров: «Ах, наш Игнат!» да «Наш Игнат!»

– Ну уж...

Парень смутился и не заметил, как проглотил последний кусок пирога.

– Еще будешь? – тут же спросила Марьяна.

Игнат подумал, повздыхал и согласился.

– А все равно, – сказал он. – Где родился, там и пригодился.

– А родители твои где? – спросила девушка. – Сирота, поди, раз бабкой воспитывался?

– Сирота, – подтвердил Игнат. – Отца на зимовке волки порвали. А мать умерла, когда я совсем мальцом был. Так я их и не помню толком...

Он решил, что в следующий раз надо бы навестить и родительские могилы. Только похоронены они не тут, а на старом кладбище, до которого еще несколько верст по бездорожью ехать, а зимой, верно, не проедешь вовсе. Сердце резануло больно, по живому, и Игнат отвернулся, чтобы девушка, не дай бог, не заметила его повлажневших глаз.

– Прости.

Руку накрыла теплая ладонь девушки. Ее пальцы были длинными и тонкими, а в голосе слышалось искреннее участие.

– Что уж, – со вздохом повторил Игнат и быстро обтер лицо рукавом. – А твои-то родные живы?

– Живы, слава те господи, – перекрестилась Марьяна. – В Новой Плиске остались. Мама у меня приемщицей товаров работает. Отец – токарь.

– Добрые профессии. Вышивке тебя матушка научила?

– Она. А хочешь, доделаю и тебе подарю? Вижу, глаз ты с птицы моей волшебной не сводишь.

Щеки Игната вспыхнули стыдливым румянцем.

– Ты мне и так жизнь подарила, – просто сказал он. – В долгу я у тебя.

– Какие громкие слова! – Марьяна откинула косу на спину. – Этак у меня в должниках вся деревня скоро ходить будет! Кому антибиотиков дам, кому вывих вправлю.

– Так и будет, – уверенно проговорил Игнат. – Хорошие доктора всюду нужны. А кто бы меня на ноги поставил, как не ты? И младшему Ковальчуку кто крапивницу вылечил? А когда Авдотья Милош на сук глазом накололась? А дядя Назар ногу подвернул? А?

– Ну, будет. Будет! – Марьяна смеялась и выставляла ладони, будто защищаясь от настойчивых слов Игната. – Захвалил ты меня! Убедил! Глядишь, и останусь...

Она подмигнула ему, и в серых глазах проскочила бесовская искорка. В груди у Игната потеплело, а улыбка сама собой стала расползаться по лицу.

– Оставайся! – пылко попросил он. – Ты не смотри, что глухомань. Дорога весной расчистится, до станции рукой подать. А знаешь, красота летом какая? Просторы какие? Карпов можно наловить, что вот этот стол!

– Так уж и стол! – притворно ахнула Марьяна. – Ну что ты будешь делать? Останусь. Она засмеялась, и Игнат вместе с ней.

На душе заметно посветлело. И в следующие несколько дней Игната не беспокоили ни мысли об умершей Званке, ни вещая птица с ее живой и мертвой водой.

Однажды Игнат полез доставать крупу и с огорчением обнаружил, что в одном из мешочков прогрызена дыра. Но мышеловок в доме не было, и пришлось идти на поклон к соседям.

– Дам, отчего ж не дать? – живо откликнулась тетка Рада. – И ты сделай милость, Игнатушка. Крыша на бане прохудилась, не посмотришь ли? – ее голос стал просящим, ласковым. – Муженек мой там с самого утра торчит, да разве с тобой в плотницком умении сравнится?

– Посмотрю, – не стал отказывать парень. – Мне не в тягость.

– А мы уж отблагодарим! – обрадовалась Рада и во всю силу своих легких принялась звать мужа.

Игнат привык подходить к работе со всей ответственностью, поэтому задержался у соседей до обеда. Добрая Рада накормила его знаменитыми щами, приговаривая, какой Игнат тощий да как бы ему хорошую невесту найти.

– Ты бы к фельдшерице нашей присмотрелся, что ли, – под конец сказала она. – Такая девушка! И красавица, и умница!

– Вот потому, что умница да красавица, на меня-то и не поглядит, – вздохнул Игнат. – Да и не видно ее сейчас в Солони. Здесь ли?

– Здесь, у Боревицей младшенький скарлатину подхватил, так от него не отходит, – Рада одобрительно покачала головой. – Вишь, добрая какая? Не девка – сказка!

Игнат расплылся в улыбке, а потом смутился и снова полез на крышу.

«Добрая, – думал он. – Надо бы ей звонок починить. Попрошу помощи у дяди Касьяна, он в электричестве поболее меня разбирается».

На душе стало весело и тепло. Серые облака над головой истончились, посветлели. Игнату даже показалось, что сквозь их плотную завесу проглянуло плоское блюдце солнца. Близилась весна, и пусть еще злились холодные ветра, пусть снегопады заваливали дорогу, одно оставалось неизбежным – февраль медленно и неуклонно близился к концу. А значит, и страхи скоро останутся в прошлом.

Игнат так заработался, что от усердия с его носа скользнула прозрачная капля. Он сконфуженно утерся рукавом и огляделся испуганно – не заметил ли кто? Но на крыше Игнат был один – тетка Рада ушла в избу готовить ужин, ее муж Егор выстругивал во дворе стропила.

Как раз в это время в конце улицы показался внедорожник.

Он несся на предельной скорости, и рев двигателя сиреной взрезал воздух.

«Как будто черти за ним несутся», – сказала бы бабка Стеша.

Поравнявшись с забором, автомобиль резко затормозил. Из кабины, подхватив с сиденья ружье, выпрыгнул местный егерь, Мирон Севрук, и таким его никогда еще не видел Игнат. Егерская шапка заломлена на затылок, рукав фуфайки перечеркивали рваные прорехи, будто Мирон в спешке продирался сквозь кустарник.

– Ну, Егор! Дождались! – еще от забора закричал егерь, потрясая ружьем. И даже с крыши Игнат видел, как побелели костяшки его пальцев. Лицо у Мирона тоже было белым от напряжения, в голосе слышались визгливые нотки. Игнат на крыше замер, и предчувствие недоброго кольнуло под ребра.

– Что такое? – флегматично отозвался Егор, ухмыляясь в усы и не отрываясь от рубанка. – Черти за тобой гонятся, что ли?

– Черти как есть, – закивал Мирон. – Знак я увидел, Егор. Вот что.

– Это какой такой знак? – Егор наконец поднял голову, и ухмылка сползла с его лица.

– Тот самый знак, – с нажимом произнес егерь. Он понизил голос и нервно огляделся по сторонам, словно ожидая, что преследующие его черти сейчас выпрыгнут из-за забора.

– Обходил я капканы с утра, – вполголоса заговорил Мирон, – на опушке леса и увидел. На сосновом суку черный вебрь висит. Пузо разрезано, и потроха вывалены, к земле свисают.

Рука Игната разжалась, и гвозди посыпались в прореху, но их паденье заглушил толстый слой теплоизоляции.

– Балуется ребятня. В соседних Малых Топях недавно хулиганили, избы поджигали, потом в лесах куролесили, – отмахнулся Егор, но уверенности в его голосе не было.

А Игнат вспомнил, как рассказывал дед Ермола, будто в прошлом году Матвею, одному из солоньских охотников, вебрь бедро клыками исполосовал, даже в уездный госпиталь возить пришлось.

– Говорю тебе, не ребятня это!

Егерь взмахнул руками, и ружье описало в воздухе дугу. Егор инстинктивно отпрянул.

– Самое жуткое знаешь что? – продолжил Мирон. – От потрохов еще пар шел. Стало быть, совсем недавно его вздернули. Знали они, что я там пройду, понимаешь? Знали, и уж расстарались на славу!

Он тихо засмеялся. В этот момент Игнат окончательно разжал руки, и молоток выскользнул из ослабевших пальцев. Ударившись о балку, он с грохотом скатился по кровле. Сам Игнат подпрыгнул от неожиданности, а вместе с ним подпрыгнули и мужики.

– А там еще кто?! – заорал Мирон, вскидывая ружье. – Вылезай, мать-перемать! Не посмотрю, черт ты, или леший, или дьявол сам!

Щелкнули взведенные курки.

– Не стреляй, дядя Мирон!

– Не стреляй!

Игнат и дядя Егор крикнули одновременно. А Егор еще и добавил:

– Совсем со страха рассудка лишился? Это ж Игнашка Лесень мне крышу латает! – И прокричал уже Игнату: – Слезай, хватит! Наработался!

Игнат не стал спорить и послушно полез вниз.

«Знали они, что я там пройду», – без остановки крутилось в голове.

Знали – кто?

Игнат представил, как на зимнем ветру покачиваются туда-сюда красноватые ветки сосен. И вместе с ними покачивается на толстой двойной веревке грузная туша вебря. Морда оскалена, желтеют закрученные кверху клыки – грозное, но теперь совершенно бесполезное оружие, так и не уберегшее хозяина от смерти. Черная шерсть, должно быть, лоснится от крови, а вытащенные внутренности болтаются перекрученными канатами...

Игнат со свистом втянул воздух, помотал взъерошенными вихрами, отгоняя наваждение. Мужики терпеливо ждали его. Только егерь все не выпускал ружья и дышал шумно, будто пробежал весь путь от леса на своих двоих.

– Все слышал, что ли? – осведомился он у Игната, едва тот подошел к мужчинам.

– Слышал, – признался тот. – Кто же это сделал, дядя Мирон?

– Браконьеры, я думаю, – вместо егеря ответил Егор. – В последнее время тут их много

ходит. Или беглый каторжанин. Я слышал намердни, что с Увильских рудников каторжник сбежал.

– И верно, – поддакнул Мирон. – Слыхал и я такое. Надо мужиков подымать. Устроим злодеям веселую жизнь, а?

Он засмеялся, но смех показался Игнату искусственным.

– Значит, я к Касьяну пойду, – продолжил егерь. – И еще к Ипату Рябому заскочу по дороге. А ты уж, Егорка, по своим соседям пройдишь.

– Пройдусь, ты в этом не сомневайся.

– Может, и я чем сгожусь? – спросил Игнат. – Руки у меня крепкие, сила тоже имеется.

Мужики переглянулись.

– Дело-то серьезное уж больно, – строго сказал Егор. – Руки у тебя есть, да только молоко на губах едва обсохло. Останешься дома и даже носа не моги высовывать, понял?

– Понял, дядя Егор, – удрученно ответил Игнат.

– То-то. И еще, – вспомнил мужчина. – Бабам не моги проболтаться! Узнают – визг на всю округу будет. Понял?

– И это понял, – Игнат вздохнул.

– Ну, вот и иди с Богом, отдыхай. – Егор хлопнул его по плечу крепкой ладонью. – Крышу я уж сам доделаю. А инструменты тебе потом жена занесет.

Игнат кивнул и побрел домой. Уже отойдя на приличное расстояние, он услышал, как Мирон спросил у приятеля:

– Радке-то своей когда расскажешь?

– Опосля, – после некоторой паузы откликнулся Егор. – Неча раньше времени панику наводить.

В голову Игната снова скакнул образ свисающего с сосны зверя. Теперь морозец наверняка подернул его влажные потроха сероватым инеем, глаза остекленели. Скоро на запах свежатинки выйдут из леса волки...

«...Или кто похуже», – подумал Игнат. Браконьеры или беглые каторжане. Только зачем браконьерам тушу на суки нанизывать? Да и беглым каторжникам, затравленным собаками, не так просто с лесным вепрем разделаться.

«С лесным черным вепрем, – сказал про себя Игнат. – Вот что главное! Вепрь-то был черный...»

В эту ночь Игнат спал плохо.

В растревоженном мозгу проносились видения то черного вепря с вытасченными потрохами, то пролетающей над лесом гигантской птицы, и слева от нее вся земля покрывалась льдом, а справа – пламенем. Приходила во сне к Игнату и мертвая Званка, но не гниющим трупом, а бесплотной тенью. Повздыхала рядом с кроватью, погладила по волосам невесомой ладонью, да так и ушла, невидимая, в предрассветную синь. Только последний ее шаг, отозвавшийся скрипом половицы, и расслышал Игнат. Открыл заспанные веки, обвел взглядом комнату. И тут же взвился с постели, потому что рядом с его изголовьем сидела толстая мышь и тянула воздух подрагивающим влажным носом.

– Кыш, окаянная! – Игнат запустил в наглого грызуна подушкой.

Мышь метнулась в сторону серой молнией, исчезла в недрах избы. Но сон уже как рукой сняло. Ежась от холода, Игнат прошлепал босыми ногами к шкапам, проверил мышеловки. Пара из них сработала, но ни в одной не было даже кусочка мышинового хвоста.

– Ну, это уже ни в какие ворота! – развел руками Игнат.

Пришла пора готовиться к войне, возможно, долгой и кровопролитной. Он снова постучался к соседям и попросил у тетки Рады крысиной отравы. Та отраву принесла, но выглядела уж очень нервной и вздрагивала на каждый шум, доносившийся с улицы.

– Вы уж простите, что в такую рань, – сказал Игнат. – Но спасу от тварей нету.

– Ничего, ничего, бери, – замахала руками тетка Рада, словно хотела побыстрее избавиться от нежданного гостя. – Ты сразу в подвал сыпь, там их гнезда.

– Спасибо за...

«...науку», – хотел докончить Игнат, но дверь перед его носом захлопнулась так быстро, что Игнату пришлось только подивиться.

«Наверное, рассказал дядя Егор про вепря-то», – подумал он и тревожить соседей снова не осмелился.

В подвале было темно и тихо.

Занявшись обустройством бабкиной избы, Игнат так и не дошел до подпола, и, как оказалось, зря. Паутина висела густыми кружевами, и рыжие Игнатовы ботинки сразу стали грязно-серыми от пыли. Он даже чихнул раз, другой. Вытер нос рукавом.

«Надо было сюда в первую очередь сунуться, – сказал себе парень. – Немудрено, что мыши расплодились».

Пахло затхлостью и прелью. В полумраке Игнат разглядел покосившиеся стеллажи, на которых раньше стояли банки с засолками и вареньем. Несколько банок и теперь были там, но уже заплесневелые, пыльные. Внизу среди груды щепок валялись осколки – видимо, шустрые мыши все-таки умудрились столкнуть несколько банок вниз.

Игнат шагнул вперед, вынул из кармана кулек с отравой. Подержал в руке. Сунул обратно, вздохнул: не мешало бы поначалу прибраться, хотя уборка никак не входила в его планы. Сегодня ему перво-наперво хотелось узнать, удалось ли мужикам изловить браконьеров или беглых каторжан, потом он хотел пройтись мимо окон Марьяны Одинец и, если она окажется дома, набраться смелости и попроситься на чашку чая. Звать девушку к себе Игнат не решался.

– А теперь-то куда вести? – вслух сказал он, обводя подвал понурым взглядом.

Дел тут было непочатый край. Но разве Игнат когда-нибудь боялся черной работы? Он повернулся лицом к хлипкой лестнице. На щеку тотчас мягко легла невесомая лента паутины.

– Тьфу на тебя, проклятая!

Игнат ударил рукой наотмашь, принялся с ожесточением сдирать с лица липкую дрянь. Оторвав, с омерзением вытер ладонь о штаны несколько раз.

– погоди мне! – пригрозил Игнат пауку, сжавшемуся в черный комок на лестничных перилах. – Недолго тебе тут хозяйничать!

Он сделал шаг к лестнице и под ногой что-то хрустнуло. Стекло?

Игнат осторожно сдвинул ногу, опасаясь, как бы не разрезать подошву. Но это не был осколок. Наклонившись, Игнат поднял с пола заколку – бабочку с голубыми стеклянными крылышками.

«Игнаш-шш...» – разнесся в воздухе призрачный вздох. Из дальнего угла пахло сыростью земной утробы. В углу завозились, заиграли паутиными накидками тени. Пальцы Игната сжали заколку, погнутая застежка впиалась в кожу, но парень даже не почувствовал этого. Он смотрел на свою находку.

Одно из крылышек раскрошилось в стеклянную труху, металлический каркас погнулся. Но Игнат все равно узнал ее.

Заколка принадлежала Званке.

А затем светлое пятно подвального люка наверху поблекло. К запаху гнили примешался другой – резкий запах гари и приторной сладости...

...Открыв дверь, Званка застыла на пороге. И сначала Игнат не понял почему – от окна не видно, что происходило в сенях. Но он слышал, как воздух со свистом вырывается из Званкиного рта. Потом она начала отступать – медленно и

размеренно, как заведенная кукла. Ее плечи опустились, спина сторбилась, будто девочка хотела уменьшиться, стать незаметнее. Широко раскрытые глаза смотрели прямо перед собой.

Игнат проследил за ее взглядом и окаменел.

Через широко распахнутую дверь в избу проникал густой красноватый свет пожара. Тени от предметов вытянулись, почернели. По мере того как Званка пятилась назад, отступала и ее тень, пока не наплыла на дубовый стол и не расщепилась надвое. Теперь казалось, что фигура девочки разрублена пополам – нижняя часть находилась на досках пола, верхняя струилась по гладкой поверхности стола.

И следом за отступающей Званкиной тенью в комнату втекла еще одна – гуще и чернее прочих.

– И... гнат! – прошептала Званка.

Имя потонуло в мучительном вздохе. Девочка ткнулась спиной в край стола и остановилась – дальше отступать было некуда. Званка вздрогнула, поджала одну ногу, пытаясь отстраниться от надвигающейся следом чужой тени. Может, думала, что начнет сейчас же растворяться в этой неживой тьме и тогда спасения уже не будет. Но ничего не случилось. Лишь вслед за тенью дверной проем заслонила фигура.

Уже потом, спустя несколько часов, Игнат корил себя, что не подбежал к подруге, не схватил ее за руку, не потащил в бабкин погреб, на чердак, за печь, да куда угодно! Возможно, это могло если и не спасти, то хотя бы отсрочить неминуемое. Вместо этого Игнат остался сидеть неподвижно и только побелевшими от страха глазами смотрел на вошедшего.

Пугало с соседского огорода? Вошедший больше напоминал мертвяка.

Его ноги вросли в пол, будто корни деревьев. Будто он сам только что поднялся из могилы – неподвижный, безликий, не имеющий ничего общего с человеком.

Мертвый.

Да и каким еще может быть навий?

Силуэт вошедшего уже не казался таким грязно-серым, как возле плетня, и мальчик понял: чужак был с головы до ног покрыт не пеплом, а кровью. Зарево пожара подсвечивало его фигуру, и Игнат видел, как вспыхивают и гаснут за его спиной золотисто-оранжевые искры.

– Заме... чательно.

Слово прозвучало глухо, надломилось посередине, словно его с трудом вытолкнули из окостеневшей гортани. Казалось, существо давно разучилось говорить и теперь еле ворочало омертвелым языком. Игнат услышал, как испуганно захныкала Званка. Тогда фигура качнулась, начала крениться вперед. Где-то вверху, в туманной мгле, где должно было находиться лицо, сверкнул болотный огонек зрачка.

– Не надо, пан...

Новый голос заставил Игната вздрогнуть и еще сильнее вжаться спиной в бревенчатую стену. Но это была всего лишь бабка Стеша.

– Не надо, – повторила она. – Это только дети. Что вам до них?

Существо молчало. Белая, как льняное полотно, Званка все так же стояла у стола, но Игнат уже видел, как напряглись ее колени, и понял: Званка готовится бежать.

– Мальчик-то – мой внук, – продолжила говорить бабка, стараясь, чтобы ее голос звучал убедительно и ровно. – Да только прока с него не будет, пан. Дурачок он.

Фигура качнулась снова.

– Не... интересуется, – раздался глухой голос, будто ветер дохнул в печную трубу. – Только... она...

Голова наклонилась вперед, со свистом вошел в мертвые легкие пропитанный гарью воздух – существо приняло хивалось.

– Сла... адкая...

Вот тогда Званка закричала – так могла взвыть попавшая в западню лисица. Она оттолкнулась от стола, бросилась головой вперед. Ее гибкое тело вильнуло в сторону – Званка хотела обогнуть вставшую на пути фигуру. Но сейчас же этот неподвижный, вросший в землю силуэт с удивительной ловкостью скользнул навстречу. Игнат увидел, как выхлестнула вбок сухая рука, тускло и страшно блеснул металлический коготь. И Званка забилась, как попавший в силос зимородок.

– Нет, пожалуйста! Нет! – истошно кричала она. – Мама! Па...

Черная лапа легла на ее лицо, и крики превратились в неразборчивые всхлипы. Со своего места Игнат видел, какими обреченными и остекленевшими вдруг стали ее глаза – будучи живой, она уже принадлежала нави, иному миру, откуда нет возврата. Это поняла и бабка Стеша, которая ухватилась за навия и заговорила просяще:

– Может, пустите ее, пан? С нее все-таки прока не будет, мала еще. Нешто вы себе кого лучше не выберете, пан? Пустите...

– Довольно, – в голосе существа все так же не было эмоций. Багряные отблески обтекали его силуэт, и казалось, что чудовище само создано из мрака и пламени. – Забираю ее... и договор заключен.

– Пан, да как же... – всплакнула бабка.

– Забираю ее, – жестко выдохнула тьма. – Или каждого...

Бабка Стеша замолчала и отошла. Игнат видел, как лапы существа начали закручиваться вокруг Званки. Она вдруг стала чернеть, заваливаться назад, пока не обмякла. Вязкая тьма соскользнула с ее лица, и мальчику показалось, что под тонкой кожей некогда румяных щек налились чернотой трещинки капилляров.

– И... г... наш... ш-ш... – в последний раз тихо вздохнула она.

От этого мучительного, просящего вздоха Игната подбросило с лавки.

– Званка! – закричал мальчик и кинулся к дверям. Он успел вытянуть руку, ухватился за соскальзывающую во тьму подругу, разлохмаченная коса скользнула по запястью. Но трещина, отделившая мир живых от мира мертвых, становилась все шире.

– Ты куда, дурень?! – закричала на него бабка Стеша. – В подпол, в подпол лезь! Лезь, дурак! Ну?

Игната поразило не то, что она назвала его дураком, а то, как прозвучал ее

голос – испуганно, озлобленно, но и в то же время с такой смертельной усталостью, что Игнат послушно отпрянул.

Он не помнил, как снова вкатился в темный подвал, не помнил, куда подевалась потом бабка Стеша. Перед глазами маячил один-единственный образ – тонущая в черной реке Званка, ее широко раскрытые, помертвевшие глаза. Только теперь мальчик заметил, что до боли сжимает что-то в кулаке. Он ослабил хватку, поднес руку к глазам – на ладони лежала Званкина заколка.

Знакомый голос эхом отозвался внутри головы: «Игна-аш-шш...»

Его рука качнулась, и заколка скользнула вниз, в непроглядный мрак, где отныне было суждено лежать ее юной хозяйке...

Пока Игнат преодолевал дорогу от деревни до кладбища, облака над его головой потемнели, раздулись, будто перезревшие сливы. Казалось, острые шипы сосен вот-вот проткнут их тонкую кожуру, и тогда на землю прольется гниющий сок из снега и мрака.

Зима не собиралась оставлять измученную землю, как прошлое не собиралось оставлять измученную душу Игната. Званкина заколка обжигала руку, пальцы еще чувствовали прикосновение к ускользающей подруге, а в ушах стоял мертвый шепот. Игнат торопился и не замечал, как на улицу выгнала рыжих коров бабка Агафья, как дядька Касьян вошел в калитку Марьяны Одинец. Все сейчас казалось Игнату туманным, нереальным, несущественным. И причиной была Званка – мертвая Званка, которая кричала ему с той стороны небытия.

Дорогу на кладбище замело, отчего следы, оставленные Игнатом, напоминали открытые язвы. Угрюмые сосны равнодушно поглядывали на бредущего по бездорожью паренька с высоты своего величия, но не были заинтересованы в нем – они подсчитывали годовые кольца и грезили о теплых временах. Где-то неподалеку, на опушке, покачивалась заиндевевшая туша черного вепря – его вытащенные потроха подъели волки. Дальше простирались Жуженьские болота, покрытые толстым панцирем льда. А западнее высился запретный бурелом. Именно там, где поваленные бревна и сучья переплетались, образовывая крепостную стену, поднимались снежные смерчи, и по лесу разносился призрачный шорох, словно сама природа испуганно вздыхала.

Но ничего этого не знал и не видел Игнат. А видел только занесенный снегом холмик да покосившийся крест на нем.

– Вот я, Званка. Вот я, пришел... – Игнат опустил на колени прямо в снег, вынул из кармана плотно сжатый кулак. Рука его дрожала на весу от напряжения. – Вот, самое дорогое, что я мог дать тебе. И что могу тебе вернуть...

Пальцы разжались. Стеклянная бабочка выпала из руки, но не было больше в ней ни легкости, ни жизни – камнем повалилась она в снег. Мертвая вещь мертвой хозяйки.

– Помнишь? Дарил ее на твой день рождения. А теперь возвращаю на смерть твою...

Порыв ветра взъерошил волосы ледяной рукой. Трещина на керамическом фото стала шире, и от этого казалось, что девочка насмешливо ухмыляется.

– Ты прости меня. Прости меня, Званка, что не спас тебя тогда... Да и как я мог спасти? Тринадцатилетний парень-то... да от самой нави! Вот теперь ты с ними, а мне покоя не даешь...

Глаза щипало не то от ветра, не то от слез. Званка с фотографии продолжала ухмыляться, и на мгновение Игнат испугался, что глазурь снова пойдет извилистыми трещинами, лицо девочки перекосится, превратится в мертвую оскаленную маску, и Игнат опустил взгляд.

– Любил я тебя тогда, – торопливо проговорил он. – Все эти годы только о тебе думал, да и теперь не могу выкинуть из головы. Виноват я перед тобой... Так виноват!

Игнат шмыгнув носом, исподлобья глянул на фото. Званка продолжала улыбаться, скорбно и обреченно.

– Только прости ты меня! – выкрикнул Игнат. – Прости дурака, Званка! И отпусти... – Он сглотнул слюну, сам удивился своему порыву. Но все же продолжил: – Отпусти, Богом

тебя прошу. Жизни мне нет с тобой, с думами о тебе. И не будет.

По вымороженному лесу пронесся вздох – глубокий, недовольный вздох потревоженного во сне исполина. С сосновых лап ветер стряхнул налипший снег, который накрыл Званкину заколку, словно белой рукавицей. Остался торчать только край изломанного крыла.

– Нет у меня живой воды, чтоб воскресить тебя. Нет у меня воды мертвой, чтоб успокоить, – прошептал Игнат. – Так что же мне делать теперь?

Ветер по-прежнему гудел в ветвях, тучи над соснами сгущались и темнели. Лес молчал. Молчала и Званка. Игнат посидел еще немного, но вскоре холод стал пробираться до костей. Тогда парень поднялся с колен, отряхнул налипший снег и нежно кончиками пальцев погладил Званку по щеке.

– Прощай.

Он дал последнее, что мог вернуть мертвой подруге, как будто принес жертву древней силе, которая навсегда забирает человека в вечную темноту и холод. Но его собственный час еще не настал, и за пределами кладбища разворачивала дорожные ленты жизнь со всеми надеждами, бедами и радостями...

Игнат выходил с опушки на проселочную дорогу, когда услышал крик. Высокий, отчаянный, он взлетел к низкому февральскому небу и вспугнул стаю ворон, которая с раздраженным карканьем понеслась над лесом.

Игнат остановился.

На миг ему почудилось, что мертвая Званка зовет его вернуться. Бестелесная, холодная, она налетела сзади, жадно обвила Игната руками-крыльями. Но это просто ветер подхлестнул его в спину да забрался под ворот.

Игнат вздохнул, плотнее нахлобучил сдернутую ветром шапку. И тут до него донеслось отдаленное испуганное мычание.

Коровы? И в лесу?

Игнат удивленно огляделся по сторонам. Сосны стояли плотными рядами, надвигающийся сумрак скрадывал последние краски земли. Тогда Игнат принялся осторожно, медленно прокладывать в снегу тропинку на северо-запад, откуда доносились и крики, и мычание коров. Идти было не слишком тяжело – здесь давно проложили охотничьи тропы, и пимы Игната лишь слегка утопали в снегу.

Игнат забирал вправо, а потому несколько отклонился от заданного самому себе курса. Ни коров, ни людей на пути он не встретил, но зато очень скоро наткнулся на свежие следы автомобильных шин.

«Наверное, егерь Мирон капканы проверяет», – подумал Игнат и совсем некстати вспомнил о найденной на опушке выпотрошенной туше.

«...Совсем недавно его вздернули. Знали, что я там пройду».

Игнат поежился, пугливо обернулся, высматривая, не качнется ли между стволами тело мертвого вепря. Но вместо этого снова услышал истошный женский вопль, раздавшийся совсем рядом, так что можно было разобрать слова:

– Помогите! Помогите! Кто-нибудь!

Крик завершился болезненным хрипом. Следом донеслась явственно различимая ругань.

Всего несколько мгновений Игнат стоял на месте как вкопанный. А потом кинулся вперед, не разбирая дороги, но руководствуясь только одним желанием – успеть.

Стволы сосен расступились, между ними тускло блеснул бок крытого брезентом

грузовика. Сам грузовик просел в сугробе, а рядом нервно переругивались мужики. Игнат сразу узнал их.

– Говорил тебе, влево надо! Влево! – орал дядя Касьян, пригибаясь возле машины и заглядывая под днище.

– Брал бы сам, когда эта стерва меня за руку тяпнула! – огрызнулся Егор. – Говорил, надо было опоить.

– Опоенных они не шибко жалуют. Лучше скажи, как теперь, твою-то в душу, выгребать будем?

– Коров надо вывести, а тогда уж и выгребать!

– Ну, так и выводи! До темени провозиться хочешь?

Егор сплюнул в снег и принялся с раздраженным ворчанием отстегивать брезентовый верх. Под ним Игнат разглядел бело-рыжие коровьи морды. Снова послышалось испуганное мычание. Потом в кабине грузовика грохнуло, чьи-то башмаки с размаху ударили в боковое стекло, и следом послышался гневный окрик:

– Ах ты, лярва этакая! Тихо, кому говорю!

В окне появился чей-то трепещущий силуэт, до Игната донеслись приглушенные всхлипы. Вторя им, мучительно и долго промычала корова.

Не медля, Игнат бросился к грузовику, рванул дверную ручку. Замок поддался со второго раза, и дверь с грохотом откинулась на петлях. В образовавшемся проеме мелькнули ноги. Подошвы башмаков едва не ударили Игната по лицу, но он успел отклониться.

– Кого там еще нелегкая несет? – прорычал все тот же голос.

В бранящемся мужчине Игнат узнал егеря Мирона. Лицо у него было покрасневшимся, потным от усилия. В крепком медвежьем захвате он держал брыкающуюся, связанную по рукам и ногам девушку.

– Да брось ты ее, помоги лучше! – от кузова донесся раздраженный голос Касьяна. – Куда она убежит-то, связанная, да еще по снегу.

– Да пусть бежит, – отозвался Егор. – Недолго бегать. Ну? Раз, два...

Грузовик покачнулся, видимо, мужики попытались вытолкнуть его из сугроба на проторенную колею. Девушка махнула головой, темная коса хлестнула Мирона по щеке. Тот зашипел злобно, скрутил извивающееся тело. Бросил на сиденье, словно куль картошки, и сам навалился следом.

– Ну, сейчас ты у меня...

– Дядя Мирон! – прокричал Игнат. – Да что ж вы делаете-то?

Девушка приподнялась за спиной Мирона, повернула к Игнату заплаканное лицо, и в груди у парня похолодело – он узнал Марьяну Одинец.

– Вы зачем это, а? – растерянно произнес Игнат.

Марьяна снова мотнула головой, и растрепанные пряди налипли на лоб. Из глаз брызнули слезы, она что-то промычала, но рот туго стягивал пестрый бабий платок.

– Ты-то откуда нарисовался на нашу голову? – просипел Мирон.

Марьяна попробовала пнуть его в бок, но егеря отодвинулся на край сиденья и ловко перехватил ее за стянутые толстой веревкой щиколотки.

– Ну, ну... будет!

Тогда Игнат вскочил на подножку, схватил егеря за фуфайку и дернул на себя.

– Отпусти ее сейчас же! – гневно прокричал он. – Что ты удумал-то, ирод?

Мирон не упал, вовремя вцепился за руль и ударился о край кабины боком.

– Кто там у вас еще? – снова крикнул Касьян из-за кузова.

– Я вам сейчас покажу, кто здесь! – Игнат занес кулак, но ударить не успел.

Мирон локтем саданул Игната в грудь, и тот не удержал равновесия, полетел из кабины в снег. Шапка откатилась в сторону, и ветер сразу же разворошил Игнатовы кудри, будто воронье гнездо.

– Куда полез, сопляк? – сверху прорычал Мирон. Марьяна всхлипнула, затем раздался звук оплеухи. – Да замолчи ты, дрянь!

Отплевываясь, Игнат поднялся из сугроба. В его внутреннем котле теперь вскипало настоящее варево чувств: гнев, непонимание, обида... Перед глазами маячила бьющаяся, как плотва в сетях, лекарница Марьяна.

– За что вы так с ней?

Игнат снова полез в кабину, но грубые руки развернули его за плечи, прижали спиной к кузову. Затылком Игнат стукнулся о борт, вдохнул нахлынувший на него запах перегара и пота.

– Тихо! Тихо ты, тихо! – Касьян снова ударил его спиной о борт грузовика. Плотная оленья парка смягчила удар, но все равно Игнат почувствовал, как от лопаток по всему позвоночнику рассыпались болевые искры.

– Откуда тебя черти принесли? Отвечай! – в прокуренном голосе Касьяна теперь не слышалось привычных добродушных ноток, а только раздражение и усталость.

– Я сам пришел! – Игнат попытался вырваться, но Касьян был куда сильнее и крепче. – Сам пришел! – повторил парень. – Крики услышал... За что вы лекарницу связали? Что она вам сделала?

– Дурак ты! – зашипел Касьян, еще сильнее придавив Игната к грузовику. – Как есть дурак! Твое ли это дело? Сидел бы в избе, мышей ловил. Тебе ли влезать?

Касьян стал оттаскивать Игната от кабины, откуда уже не доносилось никаких криков и ругани, а только лишь редкие шорохи, будто старательно укладывали на сиденье обмякшее тело.

– Что она вам сделала? – повторил Игнат.

Веки защипало, и он зажмурился, стараясь совладать с нахлынувшим страхом.

– Ничего не сделала, – ответил Касьян и добавил: – Откуп она, вот что.

– Да что толку дураку объяснять, – донесся из кабины усталый голос Мирона. – Пусти его, пусть идет на все четыре стороны. А в драку снова ползет – так мы ему быстро пыл остудим.

– Ты погоди там! – прикрикнул на него Касьян. – Игнашка парень толковый! Поймет!

Он потащил Игната в сторону, наклонился к самому уху.

– Ты вот что, парень, не дури-ка! – Касьян понизил голос и заговорил тихо, доверительно, как хорошему другу. – Знаю, что ты на Марьянку глаз положил. Да и вся деревня не против, нам-то что? Живите, коли хотите. Только не от нас все теперь зависит! И не от тебя тоже. Ну, посуди сам!

Касьян встряхнул Игната за плечи, и тот краем глаза увидел, как дядька Егор вывел из грузовика двух рыжих коров. Те мотали головами и неуверенно переступали копытами по снегу. Из кабины не доносилось ни звука.

– Мы же тут все как на ладони! Свои все, Игнаш! – продолжил Касьян. – Кого отдавать-то? Натка Кривец крестница моя. Божанка уже брюхатая. А у Маревых да Рябых девчушки вовсе малолетки... неужто их на растерзание?

Он кашлянул, отхаркнулся в снег. Игнат больше не делал попытки вырваться: страх ходил по коже колючими бурунами.

– А Марьянка нам чужачка, – губы Касьяна искривила извиняющаяся усмешка. – Уж кому, как не тебе, Игнатушка, нас понять. Бабка твоя хитра была, один раз беду от деревни отвела, а потом и нас научила. Да только думали мы, не придет этот час... – Он вздохнул, снова обдав Игната застарелым запахом сивухи, огляделся пугливо. – Вепрь-то, – зашептал он, – черный-то... Это знак их, чуешь? Так и было ими сказано: прежде, чем явятся за откупом, тушу черного вепря на опушке вывесят.

– Да кто они-то?! – закричал Игнат. Его склеенные, обветренные губы треснули, по краям выступила сукровица. В животе будто разом надулся ледяной пузырь.

– Навьи, – низким голосом ответил Касьян. – Кто же еще?

Пузырь в животе беззвучно лопнул. Игнат почувствовал, как его внутренности обдаёт ледяной волной. Снег, небо и стволы почерневших сосен мигом смазались в дрожащую пелену, и из нее четко проступил знакомый образ – большие девичьи глаза, курносый нос, спадающие на плечи косы. Она никогда не отпустит его. Не отпустит, пока он не оживит ее или не успокоит.

– Да что мне рассказывать. Сам видел небось. Помнишь Званку Добуш, горемычную страдалицу? – донесся до Игната хриплый голос Касьяна, и сам он тоже выступил из дрожащего ледяного тумана – чужой, незнакомый доселе, не тот, кто подвозил паренька до деревни, и не тот, кому Игнат латал крышу на бане. Этот новый Касьян – Касьян-оборотень – связал беспомощную лекарницу, только он знал о страшном договоре с навью. Но все еще притворяясь прежним, новый Касьян завел глаза к небу, осенил себя крестным знаменем и прошептал: – Господи. Прости нас, грешных...

Но все это было теперь не важно. А была важна только Званка, тающая в безликой гибельной тьме. Только рев пламени, только спасительная пустота бабкиного подвала...

...Игнат не помнил, сколько времени он просидел в подполе, сотрясаясь в беззвучных рыданиях и прислушиваясь к звукам наверху. Но не было слышно ни криков, ни гудения огня. Тишина обложила мальчика плотными перьевыми подушками, а вскоре замерло и время. Когда Игнат уже начал верить, что весь мир замкнулся на четырех стенах погреба, люк вверху открылся и бабкин голос окликнул его:

– Тут ли, Игнатка?

Он не сразу ответил, провел несколько раз языком по высохшим губам и только потом произнес вполголоса:

– Тут...

– Вылазь скорее!

– А Званка?

– Вылазь немедленно, я тебе говорю! – в голосе бабки Стеши появились грозящие нотки.

Игнат начал послушно карабкаться по скрипучей лесенке.

– Ах ты, горе-то мое... Поторопись!

Бабка Стеша схватила внука за руку, больно впиалась скрюченными пальцами в плечо.

– Собирайся живей!

Едва дождавшись, когда мальчик окажется наверху, бабка начала натягивать на него вязаный свитер.

– Где Званка? – глухо спросил Игнат из плотно облепившего его шерстяного ворота. В рот тотчас полезли невесомые, колючие шерстинки. Мальчик кашлянул, поскорее выпростал голову и повторил: – Где Званка?

– Где, где, – передразнила бабка и кинула Игнату шапку. – На вот, надевай! Люди ждут!

– Кто ждет? Зачем?

Игнат пребывал в полной растерянности. Бабка Стеша всегда была рассудительной и строгой, но сейчас превратилась в суетливую перепуганную женщину. Прежде аккуратно повязанный платок сбился на затылок, а на подоле юбки Игнат разглядел прожженную дыру.

– Касьян ждет, на станцию поедет. Пожитки твои я собрала. После довезу, что надо.

Игнат послушно натянул шапку и обул пимы. Быстрым взглядом окинул комнату, но ничего не изменилось, кроме того, что вещи находились в жутком беспорядке, а возле порога стоял старенький залатанный чемодан.

– А Званка тоже с нами поедет? – спросил он.

– Да что ж это такое-то, а! – всплеснула руками бабка Стеша. – Все одно в голове! Никак не уймешься!

Она швырнула ему парку, и Игнат принялся просовывать руки в рукава, но почему-то никак не мог попасть – пальцы то и дело лезли в прореху на подкладке.

– Живей, живей! – подгоняла его бабка.

Игнату почудилось, что с улицы помимо затихающего гула огня доносится стрекот мотора. Он мельком глянул в окно, но не увидел ничего – с той стороны стекла клубилась дымная, непроглядная мгла.

– А что навь? Ушла ли?

– Ушла, ушла, – рассеянно отозвалась бабка Стеша. – И нам уходить надо.

Она накинула поверх платка шаль, подвязала поясом распахнутую телогрейку.

– Ну, готов, что ли?

Игнат был готов, но как же страшно было выходить за порог, в шевелящуюся тьму, куда совсем недавно утащили Званку.

– Куда же мы поедем, бабушка? – спросил он.

– Ты поедешь, Игнатушка, – бабка Стеша вздохнула и заботливо погладила его по макушке сухой ладонью. – Учиться тебя отдам. Что в деревне-то делать? Хоть в люди выбьешься.

– А как же ты? – Игнат ухватился за бабкин рукав, заглянул в глаза. Но та почему-то отвела взгляд, вздохнула снова:

– Мне куды, старая я. А тебе еще жить да жить.

– А... Званка? – произнес он почти шепотом.

Бабка Стеша вдруг обняла его, прижала к груди.

– Тут она будет, – донесся надтреснутый голос. – Что ей теперь... – Она отстранилась, взяла Игната за одну руку, в другую вложила чемодан: – Ну, пошли! – Подтолкнула к дверям.

На Игната снова повеяло гарью и дымом. В горле запершило, и он закашлялся, зажал рот рукавицей. Край деревни еще занимался пунцовыми сполохами, и мальчик видел, как в конце улицы пожарные разматывают перекрученную кишку шланга. Из приоткрытых оконных ставен настороженно выглядывали люди, проверяли – миновала ли опасность. Недалеко от избы стояла машина, а из кабины махал рукой сосед Касьян.

– Живей, живей! – завидев Игната, закричал он. – Поезд через полчаса!

Бабка Стеша ускорила шаг, потащила за собой растерянного внука. Под ногами скрипела черная, растрескавшаяся земля. Игнату почудилось, что возле плетня можно различить неглубокие вмятины – следы, оставленные навью.

– Ну-ка, запрыгивай! – Касьян подхватил мальчика под руки.

– Да я сам, не маленький, – пробормотал Игнат. Он залез в кабину, пристроил между ног чемодан. Сердце отсчитывало гулкие удары, а в голове творилась каша. И еще росло беспокойство за Званку.

«Тут она будет», – эти слова тревожили мальчика.

Баба Стеша с кряхтением влезла следом, потеснила внука.

– Ну, с Богом! – крякнул мужик, и мир за окном покачнулся, поплыл назад, за спину Игнату, и он протер рукавом заиндевшее окно.

Машина выехала со двора на улицу, ее несколько раз трянуло на ухабах. Игнат разглядел сваленные в кучу ржавые детали, кузов грузовика, перекрученные тракторные цепи. Откуда-то доносились плаксивые голоса, но слов Игнат не разобрал. Оплавленная земля, несколько тлеющих изб да обломки техники – вот все, что осталось от присутствия нави.

«Я ведь даже не попрощался со Званкой», – подумал мальчик.

И тогда он увидел ее.

Тело лежало на обочине, и издали его можно было принять за сверток тряпья. Но сердце сжалось от предчувствия беды, и мальчик узнал разметавшиеся по земле пшеничные косы, и запрокинутое к небу лицо, и пестрый свитер, теперь разодранный в нескольких местах и запачканный чем-то темным. Званка лежала головой к дороге, но Игнат все равно увидел, что ниже свитера на ней ничего нет, и острые, вывихнутые колени белели в наступивших сумерках, словно обглоданные кости.

Игнату захотелось кричать, умолять остановить машину. Он разлепил обветренные губы, но вместо слов из горла выходили какие-то хрипы. Глаза налились тяжестью, будто собрались вывалиться из глазниц. Похоже, что и время замедлилось. Проплывая мимо в вязком ледящем потоке безумия, Игнат разглядел заскорузлые черные пятна на затылке, вдавленную грудь, на которой провисали лохмотья свитера. Круглое лицо теперь казалось маленьким, сморщенным, почерневшим – навь выпила жизнь без остатка, оставила только пустую, изломанную оболочку.

Тогда с губ Игната наконец-то сорвался первый мучительный стон.

– Ах ты, ирод! Куда тебя понесло? – крикнула бабка Стеша.

– Да кто ж знал, что ее не убрали-то? – оправдывался Касьян. – Да тут быстрее, думал...

– Ну так гони! Гони!

Мотор взревел, машина набрала скорость, и Игната по инерции отбросило назад. Сведенные судорогой пальцы все еще цеплялись за сиденье, и мальчик не чувствовал ничего. Тьма сжималась вокруг него, и оставалось только кричать, и извиваться в крепко удерживающих его руках, и кричать снова...

...Он возвращался в реальность рывками. Кто-то грубо тряс его за плечи, щеки горели, словно от удара.

– Игнашка, да чего ты? Не дури, парень!

Его встряхнуло еще раз. Голова безвольно мотнулась, но сознание постепенно возвращалось к нему. Глаза сфокусировались на встревоженном, небритом лице дядьки Касьяна.

– Ты что это удумал в обмороки падать? – ухмыльнулся тот и хлопнул парня по щеке шершавой ладонью. – Чай, не баба.

Игнат захлебнулся слюной, прокашлялся. Во рту стоял неприятный привкус желчи.

– Долго ты еще возиться будешь? – послышался со стороны недовольный окрик Егора. – Одному мне машину не вытолкать!

– Иду уже, иду! – раздраженно ответил Касьян.

Он подцепил Игната за подбородок пропахшими табаком пальцами, заглянул в глаза.

– Как теперь? Лучше?

Игнат кивнул, громко шмыгнув носом.

– Да...

– Ну, вот и славно, – Касьян хлопнул парня по спине. – Пошли, поможешь.

– Не могу я, – слабым голосом ответил Игнат. – Неправильно это, дядь Касьян...

– Эх, молодежь! – вздохнул мужик, pokrutil головой, сокрушаясь. – Да что ж

правильного в этой жизни-то есть? Естественный отбор это, слышал? За наших ведь родных печемся. За деток наших. А что значит одна жизнь против сотни? Подумай-ка.

– Нет, нет! – Игнат упрямо дернул подбородком. Мокрые пряди волос упали на глаза, побелевшие пальцы сжались в кулаки. – Так не должно быть... У нас ведь есть ружья! Правда! – он воспрянул духом, поднял на Касьяна загоревшиеся надеждой глаза. – У дяди Мирона точно есть ружье! А если всем селом? Всем миром? Позвать малотопинских мужиков. Да и других... а?

Касьян, направившийся было к грузовику, развернулся, приблизился к Игнату вплотную.

– Ты хоть понимаешь, что говоришь-то? – зло просипел он. – Дурак, как есть дурак! Сегодня мы с ружьями пару навий ухлопаем, а завтра их два десятка придет! Сотня придет! И не одну нашу Солонь с землей сровняют, а всю округу! Этого ты хочешь?

Игнат испуганно мотнул головой.

– Нет...

– Не-ет, – передразнил Касьян. – Так и не говори, о чем не знаешь! Может, их вообще убить нельзя. Ведь нелюди они! Сам видел, поди.

Игнат сглотнул. Вспомнились неживые тени у плетня. Резкий запах гари и приторной сладости.

– Да и то, – продолжил Касьян, – и от нави польза есть. Места здесь беспокойные, Игнатка. Рудники рядом, леса кругом дремучие. Были времена, беглые каторжане да браконьеры досаждали. А теперь ничего, жить можно. – Он вздохнул, поскреб заскорузлым пальцем переносицу. – Коровы летом на косогор без пастуха ходят, и ни одну волки не задрали. Понял? Это бабка твоя договор с навью заключила. Только срок теперь вышел.

– Что ж делать тогда? – прошептал Игнат и обернулся в сторону кабины, но оттуда по-прежнему не доносилось ни звука.

– Делаем, что можем, – грубовато отрезал Касьян. – Слава богу, не шибко мудреных вещей от нас требуют. Немного продуктов, мяса да молока. Топливо и списанная техника. Мало осталось нечисти тут, в Опольском уезде. Мало, а все-таки сила. Возьмут немного оттуда, немного отсюда. Им на пользу, а мы нешто с этого обеднеем?

– А Марьяна?

– А это ты уж сам рассуди, – усмехнулся Касьян. – Слышал небось, как черти до наших баб охочи. Не Марьяна, так Ульяна. Не в Солони, так где-нибудь еще. Что мы можем поделат, Игнатушка? Не давши слово – крепись, а давши – держись.

– Касьян, скоро ли? – снова послышался раздраженный голос Егора, а вслед за этим – отборная ругань.

– Иду! – огрызнулся Касьян, потрепал Игната по волосам. – Так-то, Игнатка. Пойдем, а то скоро и вечереть начнет.

Он двинулся к грузовику. Игнат послушно шагнул следом, будто провалился под лед. Будто земля разошлась под ногами, и теперь он летел вниз, в подсвеченное алым заревом пекло, куда рано или поздно попадали все грешные земные души.

– Ну-ка, взяли! – между тем скомандовал Касьян.

Вдвоем с Егором они уперлись плечами в бок грузовика, закричали от натуги. Тут же к ним присоединился и егерь.

– Как девчонка? – вскользь осведомился Касьян.

– Что с ней делается, – Мирон ухмыльнулся недобро. – Обморочная лежит. Ничего, скоро оклемается.

Касьян кивнул коротко и снова навалился на машину.

– Раз, два...

Кузов начал крениться. Со скрипом и грохотом грузовик встал на колею, из-под колес взметнулись снежные вихри.

– Ну, слава те господи! – вздохнул кто-то из мужиков. – Авось управились...

И окончание фразы потонуло в зловещем гуле, сиреной расщепившем тишину леса.

Мужики окаменели. Игнат испуганно задрал голову кверху, и на миг ему показалось, будто где-то высоко, над макушками сосен, промелькнула длинная и темная тень. Но ветер сейчас же запорошил глаза снежной пылью. Игнат моргнул, и тень исчезла. Только ветер гулял в почерневших ветвях, да наливалось гниющим соком небесное нутро.

– Приехали, – произнес Егор сорванным голосом. – Не успели до бурелома-то... что ж делать?

– Теперь только сидеть да Богу молиться, – ответил Касьян и сквозь зубы сплюнул в сугроб. – Навь сама нас найдет.

– А все из-за тебя, дурака! У-у-у!

Игнат не сразу понял, что обращаются к нему. Прежде добродушное лицо Егора перекосило от злобы и страха.

– В сугроб мы еще и раньше легли, – заметил Мирон. – Парень в этом не виноват.

Егор сощурился.

– Не виноват, – просипел он. – Тогда Игнашка, может, и ритуал проведет?

– Ты чего говоришь-то? – прикрикнул на него Касьян.

– То и говорю! – оскалился Егор. – Он ведь бабки Стеши внук. Да и дурачок. Душа у него добрая, чистая. Навь его в первый раз не тронула, не тронет и теперь.

В груди Игната похолодело. Он отступил назад, огляделся растерянно, словно ожидая помощи. Но не было в лесу никого, кроме трех перепуганных мужиков у грузовика и обморочной Марьяны, лежащей сейчас в кабине. Марьяны, которая очень скоро последует за Званкой в вечную тьму и стужу небытия.

– Не дури, – устало произнес Касьян. – Лучше коров обратно пригони. Убегут.

– Куды им бечь, – хмуро отозвался Егор, но все же отправился за коровами. Те остановились у края колеи, время от времени мотая тяжелыми головами.

– Шел бы ты тоже, Игнаш, – беззлобно сказал Касьян и вздохнул. – Может правда помилуют. А мы-то уже души пропащие...

Он махнул рукой и замер, склонил голову набок, прислушиваясь. Заросшее темной щетиной лицо разом посерело и выцвело, будто старый рушник.

– Ты чего? – удивился Мирон.

Касьян медленно обвел его остекленевшим взглядом и приложил палец к губам.

– Ш-ш! – Его руки затряслись, как с похмелья. – Чуете? – бесцветным голосом произнес он. – Земля шевелится...

Сначала Игнат не почувствовал ничего и ничего не услышал. Раскатистый гул давно сошел на нет, и в лесу снова установилась тишина, изредка разрываемая коровьим мычанием да скрипом многолетних сосен. Потом плавно, едва заметно, качнулась земля. И хотя Игнат никогда не был на море, в этот момент подумал, что именно так качается палуба под ногами моряков. Из живота начала подниматься волна шемящего страха.

– Помоги, Господи, – выдохнул Касьян, размахисто осеняя себя крестным знаменем.

Вслед за новым толчком земной утробы послышался треск ломающихся веток. Игнат задрал голову, ожидая увидеть выросшие до неба гигантские тени – силуэты древних и страшных богов, подминающих сосны, как сухие щепки. Но там, наверху, только клубились обрюзгшие снеговые тучи, только беспрерывно дул в охотничий рог ветер. И замороженный танцем сосновых вершин да еще предчувствием надвигающейся беды, Игнат пропустил момент появления навь.

Они уже стояли здесь – безликие серые фигуры на фоне выстуженного леса.

Волна, зародившаяся в животе, ударила в ребра, как в борт утлого суденышка. Земля под Игнатом оплавилась, стала жидкой, как кисель, закрутилась возле щиколоток воронкой. Ужас потащил в свои глубины, как в далеком детстве. И парень не мог ни пошевелиться, ни вздохнуть, а только глядел во все глаза.

Навь стояли в пяти сажнях от грузовика, но Игнат все равно не мог разглядеть их лиц.

Только там, где должны находиться глаза, поблескивали тусклые болотные огни. Воздух постепенно наполнялся запахами сладости и гари. Навьи молчали. Молчали и мужики.

Игнат не знал, сколько еще они простояли так, оценивая друг друга, словно войска перед решающей схваткой. Первым очнулся Касьян.

– Паны! Не серчайте, паны! – заискивающе заговорил он, выбегая вперед. – Вот, грузовик с колеи сошел, насилу выбрались. Все у нас готово, как условлено. Вот, сами убедитесь! – он махнул в сторону кузова, и Игнат отметил, как трясется его рука. – А что уж не успели к бурелому, так вы не серчайте, паны...

Одна из четырех фигур покачнулась, выдвинулась вперед. Земля под ногами завибрировала снова, и Касьян пригнулся, непроизвольно вскинул руки, как в ожидании удара. За спиной Игната кто-то громко сглотнул слюну.

– Хо... ро... шо, – произнес навий, и запах сладости, приторной до тошноты, стал резче. Игнату вспомнился его недавний сон – мертвая Званка, застывшая возле его постели. Черный рот становится похожим на букву «О», слова с трудом выходят из окоченевшей гортани и не несут в себе ни эмоций, ни чувств.

Тем же мертвым голосом говорила сейчас и навь:

– Заби... раем...

Существо сдвинулось с места. Трое оставшихся как по команде одновременно потянулись следом. Игнат видел, как под тяжестью их тел с хрустом надломился наст. За спиной громко и протяжно промычала корова, будто почувствовала уготованную ей участь. Вслед за этим раздался еще один звук, но на этот раз он шел из кабины – приглушенный стон измученного человека.

Марьяна!

Стон повторился, и теперь мужики тоже слышали его.

– А тут, извольте полюбопытствовать, у нас девица-красавица, – суетливо заговорил Касьян, однако не сделал попытки приблизиться – расстояние между ним и кабиной пересекала темная навья тень. – Девка кровь с молоком, пан, так жалко отдавать! Чистая, хе-хе. Женка моя лично проверяла, так не побрезгуйте, пан...

Существо скользнуло к кабине, и теперь в его движениях появилась какая-то изящная плавность. Игнат вспомнил, как однажды ходил на болота за клюквой, и выструганной тросточкой ощупывал впереди дорогу, чтобы не провалиться в ямы и змеиные норы. Тогда-то он и встретил гадюку – она пересекла его путь грациозно, вальяжно, вовсе не пугаясь присутствия человека. Ее туловище отливало красноватой медью, вдоль хребта струились зигзагообразные узоры. Королева северных змей и хозяйка болот, всегда нападающая исподтишка.

Гадюку – вот кого напоминал теперь навий.

Его руки закрутились вокруг Марьяны, будто змеиные кольца. Она билась в них испуганным зябликом, растрепанная коса хлестала по щекам, но навь была куда сильнее всех солоньских мужиков и не собиралась отпускать добычу. Безликую серую маску лица пересекла трещина, открыв ряд заостренных людоедских зубов – навий улыбался. Потом из трещины рта вынырнул язык – длинный и острый, как змеиное жало. Медленно, со вкусом навий провел языком по Марьяниной щеке и проорчал утробно:

– Булочка... сладкая булочка...

Тогда Игнат не выдержал.

Картина, что сейчас разворачивалась перед его глазами, наложилась на события

прошлого, словно калька. Чувство вины, годами копящееся под спудом, с размаху подтолкнуло в спину.

– Не троньте ее, проклятые!

Игнат налетел на обидчика, ударил раз, другой, не думая, кто перед ним находится – человек ли, черт ли.

«Рано или поздно приходится выходить на бой со своими бесами и побеждать их».

А перед внутренним взором вместо лица Марьяны маячило скорбное, посеревшее лицо Званки.

Потом Игнат обнаружил, что его кулаки молотят один только воздух, а его самого вздернули за шиворот, как котенка.

– Уди... вительно, – раздался низкий, рокочущий бас.

Лицо Званки подернулось рябью, рассыпалось мозаичными фрагментами, и вместо него из тумана выплыла белесая маска с горящими угольями глаз и косою трещиной вместо рта. Некоторое время навий смотрел в упор и молчал. Затем Игната швырнуло на снег. Он больно ударился спиной о смерзшуюся землю, горячий лоб обдало снежным крошевом.

– Удивительно, – повторил мертвящий голос. – Было время... человеческого духа слыхом не слыхано... видом не видано... а нынче он сам пожаловал.

Над лесом пронесся глухой, раскатистый грохот – так камни осыпаются с гор, так кости мертвецов перекатываются в жестяном жбане, – так смеялась навь.

– Отпустите! – выдохнул Игнат.

Преодолевая боль в пояснице, он приподнялся с земли и теперь смотрел прямо в безучастные лица.

– Отпустить? – повторил навий. – Но мы даже не начали!

Смех прокатился по лесу снова. Небо над головами дрогнуло и наконец лопнуло у самого горизонта. Из разверстого нутра начали медленно и бесшумно опускаться снежинки.

Пришел в себя и Касьян. Он молитвенно заломил руки, заговорил сорванным голосом:

– Паны, не обращайтесь внимания! Это ж дурачок местный, Игнашка Лесень! У-у! Стервец! – Касьян замахнулся рукавицей. – Вечно не в свои дела суется! Вы не серчайте, малоумный он! – Касьян ухмыльнулся, покрутил пальцами у виска. – В детстве навь на его глазах девку забрала. Вот он и тронулся.

– Званку, – шепнул Игнат. – Навь забрала Званку Добуш.

В сердце словно вошла невидимая игла, и оно дрогнуло и застыло. Грудь изнутри окатило тоской и болью, а пальцы против воли начали сжиматься в кулаки.

– Вы забрали Званку Добуш! – повторил он, и голос сорвался на крик. – Забрали Званку! И нет ей теперь покоя, и жизни мне нет!

– Да помолчи ты! – закричал из-за спины Егор. – Дурак! Ты хоть понимаешь, с кем связываешься?

– Ти... хо!

Рокочущий бас разом заставил всех смолкнуть. Игнат стоял, подавшись вперед и дрожа всем телом. В колышущемся мареве застыли и темные силуэты.

– Забрали, – повторил навий, и в трещине рта снова блеснули треугольные акульки зубы. – А ты... вернуть бы хотел?

– Как мне ее вернуть, когда вы живую воду тоже спрятали? – горько произнес Игнат. – Да и мертвой воды у меня нет. Не успокоить мне ее и раны не заживить.

– Так... найди, – вкрадчиво шепнула тьма. – А мы... так и быть... вернем твою Званку...

За спиной кто-то сплюнул в сердцах:

– Дурак! Как есть дурак...

– Тихо!

Навий вскинул руку, тусклыми бликами расчертили воздух стальные когти. Боковым зрением Игнат заметил, как взвыл и повалился в снег дядя Егор. По его лицу ото лба до подбородка пролегла косая рана.

– Обманете ведь! – крикнул Игнат. Веки обожгло, и он заморгал быстро, отер лицо рукавом.

– Нет, – прошелестел навий. – Мы слово держим.

И засмеялся – дробный звук града, просыпавшегося на деревянную кровлю.

– Тогда отпустите и Марьяну!

– Зачем тебе она? – спросил навий, а его руки еще плотнее обвили вокруг обмякшего тела девушки, треугольные зубы поблескивали влажно. – Коль мы Званку вернем...

– Отпустите Марьяну! – упрямо повторил Игнат. – Довольно с вас и прочего откупа!

Кто-то из мужиков зашипел, но не произнес ни слова – рядом в сугробе все еще хныкал и хлюпал кровью раненый Егор. Навь молчала, только жарко горели огоньки глаз, да жидкие узоры текли по неподвижным фигурам, как чешуя по змеиному телу.

– Хорошо, – наконец согласился навий. – Что дашь взамен?

Игнат растерялся.

– Что ж мне дать? Один я на свете, богатства не нажил.

Последовал новый, еще более раскатистый взрыв хохота. Ветер тоскливо взвыл в вековых кронах, небесная рана стала шире, темнее, и хлопья снега повалили гуще.

– Отдай руку, – шепнула навь. – За сердце девушки.

Внутренности скрутило в кровавой клубок. Сзади подбежала призрачная Званка, ткнулась холодным носом в шею, обдала стужей.

– Как же мне без руки-то? – едва ворочая отяжелевшим языком, произнес Игнат. – Я ведь плотник.

– Пожалейте! – поддакнул Касьян. – Пошто мальчика калечить?

Навь молчала. Снежинки клочьями падали на их неподвижные фигуры, стекали вниз темными красноватыми ручейками, словно небесный сок смешивался с гарью и кровью страшных посланников небытия.

– Будь по-твоему, – согласился навий. – Если руки его ценнее... выкроите сами ремень из его спины... тогда отпустим...

– Господи, грехи наши... – охнул Касьян.

– То есть как это? – Игнат отступил, заморгал растерянно. Званка за его спиной захихикала, подула холодом на затылок, закружилась в снежной пелене.

– Вот нож, – в темной когтистой лапе навия блеснуло лезвие. – Режь... и отпустим...

– Да мы-то тут с какого бока, пан? – захныкал Касьян. – Не обучены мы этому! Рука не подыметя!

– Иначе... – прошелестел навий, – спалим деревню... – Развернул нож рукоятью к Касьяну, ткнул ее в дрожащую ладонь мужика: – Режь!

Касьян сжал пальцы вокруг рукояти, его голова затряслась, как в припадке.

– Отец Небесный, – забормотал он, – прости нам грехи наши...

Запнулся, шагнул к Игнату:

– Прости и ты...

– Да вы что?! – закричал парень и начал отступать. Ноги увязали в сугробах, под одежду забрались ледяные вихри. – Дядя Касьян! Я ведь вам крышу крыл! Я ведь вас с детства знаю! Да разве можно так?

– Нельзя, Игнатушка, – плаксиво заговорил мужик. – Никак нельзя... Только нам-то что делать, грешным? Коли уговор такой...

Игнат уткнулся плечом в чьи-то подставленные руки, повернулся и увидел рядом перекошенное лицо егеря Мирона.

– Грешные мы, Игнатушка, – прохрипел он и рывком распахнул Игнатову парку. – А ты между нами праведник. Может, оттого тебя навь и присмотрела-то!

– Праведник ты, – эхом повторил Касьян, навалившись на парня сзади. – Добрая душа, чистая... а мы грешные, Игнатушка... Грешные. Грешные! Да только грешные, может, поболее твоего жить-то хотят!

С тяжким, болезненным треском разошлась ткань. Спину обожгло, будто укусом – это мертвая Званка обхватила его ледяными руками, поцеловала между лопаток.

«Вот ты и со мной теперь, – шепнул в уши бесплотный голос. – Со мной, и ныне, и присно, и во веки вечные...»

Часть 2

На перепутье

*Вьюга пела.
И кололи снежные иглы.
И душа леденела.
Ты запрокинула голову ввысь.
Ты сказала: «Глядись, глядись,
Пока не забудешь
того, что любишь».*

А. Блок

Кружится, кружится снежное веретено.

Белой нитью обматывает покореженные сосны, накидывает аркан на кладбищенские кресты, тянет разом, будто выдергивает больной зуб. Из земли вырастают могильные курганы, снег плотным саваном укрывает двух потерянных в тайге людей. Нет никаких дорог, никаких ориентиров – только неистово пляшущая, белоглазая вьюга. Хрустко ломаются ветки, их в щепы размалывают метельные жернова. И нет уже ни земли, ни неба. И никакого спасения тоже нет.

– Погибнем...

Страшное слово соскользнуло с губ, льдинкой пропало в белой кутерьме.

– Не говори так! – осиплый женский голос едва слышался в реве непогоды. – Не для того нас Господь помиловал, чтобы на страшную смерть обречь!

Игнат попытался приоткрыть глаза. Ресницы отяжелели, склеились налипшим снегом. Инеем подернулись и брови, и волосы, и щетина вокруг рта. Но холода Игнат не чувствовал – тело опоясывал изнуряющий жар.

– Погибнем, Марьян, – повторил Игнат. – Одни мы...

Он заморгал, утер лицо дрожащей ладонью. В полумраке фигура девушки казалась темной, неживой, мокрые пряди выбивались из-под шерстяного платка.

– Да что ты заладил! – прикрикнула на него Марьяна. – Не для того я рубаху на бинты извела, чтоб погибнуть! – Она смахнула с лица налипшие волосы. – Не накликай лихо-то!

– Да что тут кликать, когда вокруг такая круговерть. Не замерзнем, так волки придут.

– Волки по норам попрятались, – сердито ответила Марьяна. – Ничего. Выдюжим.

Она остановилась, повернувшись к бьющему ветру спиной. Буран закручивал вокруг пушистые вихри, словно обмахивал песцовым хвостом. Игнат уткнулся в ее плечо носом, вдохнул запах овчинного тулупа. Ноги казались сделанными из поролона, подгибались под весом тела, ставшего тяжелым и неповоротливым.

– Плохо все, – прохрипел Игнат. – С пути сбились.

– Вот уж нет! – упрямо отозвалась Марьяна. – Сам говорил, зарубки к дороге выведут. А я только что их заметила. Да вот на той сосне!

Она мотнула головой, и отяжелевшая коса змеей обвила плечи. Игнат хотел проследить за ее жестом, но снежные хлопья назойливо лезли в глаза. Медленно переставляя ноги и увязая в снежных заносах, Игнат доковылял до ближайшей сосны, привалился плечом к ее шершавому боку.

– Плохо, Игнат? – в мельтешащей пелене всплыло встревоженное лицо Марьяны.

– Не знаю, – пробормотал он. – Не чую...

«Боженька любит юродивых да страдальцев», – вспомнились слова бабки Стеши.

Наверное, Игнат находился на особом счету у Всевышнего: когда лезвие ножа прочертило вдоль позвоночника первую борозду, Бог накрыл парнишку широкой ладонью, погрузив в милостивую тьму и беспмятство. Тогда Игнату привиделось, что он умер, а душа камнем рухнула в чистилище. И жидкое пламя плясало на его боках, обгладывая кожу и мышцы, полируя кости до ослепительного белого цвета, который всегда ассоциируется с зимой и смертью.

Потом Игнат очнулся и сквозь белесую мглу различил сгорбленную фигуру Марьяны –

она сидела в сугробе подле него и дрожащими пальцами разрывала рубаху на полосы.

– Где... навь? – первым делом спросил тогда Игнат. – Ушла ли?

Распухший язык с трудом ворочался во рту. Услышав его голос, Марьяна вздрогнула, вскинула голову и вдруг заревела – негромко, но надрывно, сглатывая слезы и первые, медленно падающие с неба снежинки. Плакала Марьяна недолго, бормотала под нос, из чего Игнат мог понять только несколько слов вроде «слава богу», «живой» и «прости». Проревевшись, Марьяна снова стала серьезной и сосредоточенной.

– Сейчас, Игнатушка, – забормотала она, с прежним рвением домучивая рубаху. – Сейчас помогу тебе... да ты лежи, лежи! – прикрикнула она на попытку Игната подняться. Он подчинился. Руки дрожали, тело казалось чужим, отяжелевшим, будто кто-то медленно закачивал под кожу расплавленное олово.

– Помощь нужна, – прохрипел Игнат. – Где дядя Касьян?

– Где, где! – грубо передразнила девушка, и в ее голосе послышалась злоба. – Нету твоего Касьяна. Никого нету! Разбежались, как зайцы...

Она не договорила, сглотнула слюну. Ее плечи затряслись, но Марьяна сумела взять себя в руки. Усмехнулась в надвигающихся сумерках.

– Трусы они, Игнаш, – сказала она. – Сильные только с девчонкой связанной да с парнем безоружным. Ничего! Дай только к людям выбраться!

Ее чуть простуженный, но уверенный голос вселял надежду. Пальцы оказались горячими, невесомыми, и боли не было – по крайней мере, Игнат не чувствовал ничего, кроме изнуряющего жара, и понимал, что нужно скорее выбраться к жилью и теплу, пока не началась метель. После нескольких неудачных попыток Игнату все-таки удалось подняться на ноги.

– Надо будет, и на горбу тебя потащу, – сказала ему Марьяна тихо и совершенно серьезно. – Не успела поблагодарить за спасение, так благодарю теперь. Если выживем – вечно твоей должницей буду.

Вклинившееся в эту фразу тревожное «если» совсем не понравилось Игнату. Но он попытался улыбнуться девушке и ответил:

– Дойти я и сам дойду. Нешто не мужик?

Так, в молчании, поддерживая друг друга, они покинули опушку, и по зарубкам Игнат указал направление – туда, где пролегалла дорога, соединяющая кладбище, родную деревушку и соседские Малые Топи. Но до метели им успеть не удалось.

Взревел ветер, будто ударил в бубен, и нутряной гул прокатился над тайгой. Это снежная буря закружилась, заплясала над миром. Укутала белой шалью далекую, оставшуюся в прошлом Солонь, и тушу черного вепря на опушке, и деревянные кладбищенские кресты... Ничего этого больше не увидит Игнат, и снежное полотно, развернувшееся над миром, станет новой страницей жизни.

Если только он переживет эту бурю.

– Ночь близится, Марьян, – хрипло проговорил Игнат, прижимаясь щекой к жесткой чешуе соснового ствола. – Темнеет уже.

– А я уверена, выйдем скоро! – упрямо возразила девушка. – Еще немного, Игнатушка... сможешь?

– Смогу, – кивнул он.

Где-то под лопаткой болезненно заныло, и кипящая лава опять потекла по спине. К запаху сосновой коры тут же примешался другой – еле уловимый запах оцинкованного

железа. Игнат не мог обернуться назад – тело оказалось слишком неповоротливо, – но был даже рад этому, потому что и так знал причину металлического запаха. Так пахло от нави – сладостью и кровью. А метель зачищала ластиком кровавую строчку, оставленную Игнатом.

– Я бы на дерево забрался, – сказал он. – Да только сил теперь нет... и не увидать ничего.

– Не увидать, – согласилась Марьяна. – В такую непогоду ничего не увидать. Деревни далеко, а на дорогах фонарные столбы давно в негодность пришли. Это если правильно идем...

Голос девушки дрогнул. Она тряхнула головой, снежное крошево покрывало ее темные волосы, будто седина.

– А если заблудились... – заговорил Игнат хрипло. – Даже если заблудились, то под снег уйдем. Мне егерь Мирон рассказывал...

При упоминании одного из мучителей Игнат осекся, сглотнул тяжелую слюну – вспомнил укус металла между лопаток, и перекошенные лица мужиков, и неподвижные фигуры на фоне чернеющего леса...

– ...Рассказывал, как можно в непогоду укрыться, – продолжил Игнат. – Выкопаем снежную траншею, да и переждем ночь. Без огня только плохо. Замерзнем.

– Пока двигаемся – не замерзнем! – возразила Марьяна. – А про укрытие ты хорошо придумал. Так и сделаем, только давай еще немного пройдем? Совсем чуть-чуть... Дойдешь ли?

– Я-то дойду. Только вдруг блуждаем?

– А вот и нет! – заупрямилась Марьяна. – Чую, выйдем скоро.

– Ну, если чувствуешь, – улыбнулся в полумраке Игнат.

Он осторожно отлепился от сосны. Колени дрожали, руки дрожали тоже. Снежная пудра щедро просыпалась под одежду, которая теперь стала сырой и тяжелой, а это означало неминуемое переохлаждение.

Навь никого не оставляла в живых. Она лишь позабавилась со своими игрушками, сломала и выбросила на обочину жизни, как еще раньше выбросила Званку. И лучше бы убила быстро, чем обрекать на мучительную и страшную смерть от стужи и одиночества в этом неживом лесу.

Они брели медленно, чересчур медленно, увязая в сугробах, становившихся с каждым шагом все рыхлее и выше. Невыносимая тяжесть пригибала Игната к земле, и мир вокруг вскоре слился в одну сплошную пелену из снега и мрака. Останавливаясь на отдых, они поворачивались к метели спиной, и тогда ветер надувал тулупы парусами, будто поощрял двигаться в выбранном направлении, а потом снова наотмашь бил по лицу, и щеки горели от множественных ледяных укусов, но об обморожении Игнат не думал.

Смерть. Белая смерть окружала со всех сторон.

Силы покинули его, и новый порыв ветра сбил с ног с той же легкостью, с какой мальчишка сбивает выросшую на карнизе бахрому сосулк. Игнат попытался выставить руки, но те по локоть ушли в податливую плоть сугроба.

– Не могу, – только и сумел прохрипеть он. – Прости...

Собрав последние силы, Игнат все еще пытался бороться за жизнь. Он пополз по снегу, извиваясь, как придавленный сапогом червяк. В ушах раскатом звучал надсадный хохот вьюги. Игнат подставил ветру свою израненную, не чувствительную к боли спину, крепко обхватил руками гладкий сосновый ствол. Снег давно замел все выступающие из земли

корни, обломал нижние ветки, отполировав дерево до неестественной гладкости. Такими гладкими бывают только старые кости, долгое время пролежавшие под ветрами, стужей и летним зноем. Таким однажды станет и сам Игнат...

– Прощай, Марьяна, – прошептал он и прислонился к сосне щекой.

Сосна была холодной, выстуженной налипшим снегом, и вместо чешуек коры Игнат нащупал шершавую поверхность камня.

«Как странно», – подумал он и из последних сил поднял голову.

Ствол уходил вверх, высоко-высоко в ревущую мглу. И там, в вышине, переламывался надвое, склоняя над Игнатом круглую голову на тонкой железной шее. У основания шеи торчала покореженная жестянка, где желтой краской на белом фоне был нанесен ромб – знак главной дороги.

Тогда Игнат закричал, а снег тотчас набился в рот и ноздри, но парень отплевывался и кричал снова. И замолчал только тогда, когда в глаза ударил ослепляющий свет, и что-то большое, тяжелое промчалось мимо, обдав Игната фонтаном снежного крошева. Протяжно заскрипели тормоза. Игнат снова попробовал закричать, но из ободранного горла выходили какие-то хрипы. И он только и мог, что слизывать с обветренных губ и глотать снег, ставший почему-то соленым.

– А теперь расскажите основательно и спокойно, как же вы в лесу-то оказались?

Коренастый, заросший черной бородой Витольд разлил по жестяным кружкам кипяток, бросил в каждую немного сухих листьев и ягод, и по зимовью поплыл запах душистого отвара. Игнат поставил кружку на колени – ослабевшие пальцы слушались плохо, голова плыла, а еще его немного подташнивало. Впервые в жизни Игнат мучился похмельем: Витольд влил в него полбутылки водки перед тем, как взяться за штопальную иглу.

– На совесть располосовали, – сказал мужик, внимательно осмотрев Игнатову рану. – Твое счастье, что кожу не чулком содрали. Подлатать можно. Ничего, выправишься. На своей свадьбе плясать будешь.

Игнат не ответил – его голосовые связки были сорваны, и поэтому он не кричал, когда боль пронзила от лопаток до поясницы. Но уже потом, проспав более двенадцати часов и проснувшись с ноющим телом и тяжелой головой, Игнат порадовался вновь обретенной чувствительности – легкое обморожение щек и рук у него все же случилось, но отмирания тканей не произошло.

Отставив кружку с отваром, он незаметно завел руку за спину, пытаясь нащупать швы. И зашипел, когда болевая вспышка заставила отдернуть пальцы.

– А вот трогать не надо! – прикрикнула на него Марьяна, тоже отдохнувшая, размякшая от тепла. – Не хватало всякую гадость в рану занести. И так с антибиотиками туго.

– Что верно, то верно, – со вздохом подтвердил Витольд. – Не думал я, что ребятишек спасать придется.

Говорил он спокойно и размеренно, с едва уловимым пришептывающим акцентом, присущим всем выходцам с юго-запада. В маленькой и тесной зимовке он казался совершенным медведем, хозяином тайги. Только никакого хозяйства у Витольда не было – незваным гостем обосновался чужак в заброшенной зимовке, подальше от людских глаз, в надежде пожить зверьем. И не спрашивал разрешения у местных егерей, а попросту браконьерствовал. Только не много дичи удалось ему раздобыть в солоньских лесах, давно хотел с места сняться, да выюга все планы спутала.

– Пустые места, гибельные, – поделился он. – Даром что зимовка брошена. Вроде бы и деревни рядом, а никто тут давно не бывал. Нехорошее поговаривают...

– Здешние земли навью отравлены, – еле слышно прохрипел Игнат.

– Это какой такой навью? – удивился Витольд.

– Глупости, – сердито вклинилась в разговор Марьяна. – Дурацкие сказки местных селян. Отговорки, чтобы низость свою прикрыть.

– Да ведь ты сама видела... – начал Игнат.

– Ах, хотите знать, что я видела?! – воскликнула девушка, сдвинув темные, почти сходящиеся на переносице брови. – Я видела, как солоньские мужики меня из-за стола волоком тащили! Видела, как бабы меня осматривали, будто кобылу на продажу! А тебя, Игнат, как поросенка освежевали! А потом и на смерть бросили!

Ее глаза потемнели, сделались большими и влажными. Марьяна сцепила пальцы вокруг горячей кружки, словно не чувствовала жара.

– Не по своей воле они освежевали-то! – Игнат попытался выпрямиться, принять более

удобное положение, но охнул – в позвоночник словно воткнули раскаленный прут. – Не по своей, – повторил он. – Навь заставила.

И опустил голову. Щеки обожгло жаром стыда, когда понял, что пытается оправдать своих мучителей. Тех, кто Марьяну на откуп чудищам отдал, тех, из-за кого погибла Званка...

«Да был ли у них выход?» – подумал Игнат, а горло свело горечью – это проник в него и начал разливаться по жилам яд сомнения. Отдал бы он ремень со спины добровольно? Пожалуй, что отдал – хорошая цена за свободу Марьяны. Вот только никто не собирался перечить нави и везти в деревню раненого Игната. И страшно не то, что порезали свои же земляки, а что оставили погибать в метель. Сбежали, как трусы. Снегом кровь со своих рук стерли.

– Как ни назови, – продолжила Марьяна, – хоть навью, хоть душегубами, хоть самими чертями – суть от этого не изменится. Я не знаю, кто эти существа, откуда появились и куда ушли, но одно знаю точно – будет желание, найдется и на них управа. А если люди внутри с гнильцой, да натуру имеют лакейскую, то без разницы им, перед кем выслуживаться: перед чертями ли, перед бандитами. Такие только на фоне слабого и сильны. И только сила для них авторитет. А потому и бороться нужно их же методами – силой.

– Да куда вам бороться, – подал голос Витольд. – Вы для начала отогрейтесь да раны залечите. А ты, дочка, кружку-то отставь. Недолго ожог заработать.

Марьяна охнула, отдернула покрасневшие руки, будто только теперь почувствовала жжение, и принялась дуть на ладони.

– Все ты верно говоришь, – продолжил Витольд. – Не по-христиански с вами поступили. Не по-человечески. Но зла на них не держите, несчастные это люди. Они сами себе обуза и сами себя накажут. Вот только срок придет.

– Простите, дядя Витольд, ведь не злая я вовсе, – сказала Марьяна и расплакалась. – Но если б не вы, они бы и грех убийства на себя приняли.

– Главное, что вы живы, – приободрил ее Витольд.

– Прости и ты меня, Игнатушка, – всхлипнула девушка, обтерла рукавом покрасневшие глаза. – Это из-за меня все случилось...

– Не Марьяна, так Ульяна, – повторил Игнат услышанные им ранее слова. – Не в Солони, так где-нибудь еще...

И нервно усмехнулся. Тот знакомый Игнату мир, где были добрые и отзывчивые люди, остался далеко позади. Раскрошился в мелкую труху, стал прахом, как давно умершая подруга.

– Жаль, что лекарств нужных нет, – сказала Марьяна, утерев слезы и несколько раз шмыгнув припухшим носом. – Без лекарств будет плохо. В больницу нам надо, дядя Витольд. Далеко ли до города будет?

– Далековато, – ответил тот. – До ближайшей деревушки день ехать, это если по хорошей дороге. А по бездорожью да сугробам...

[Купить полную версию книги](#)